

Ксения Журавская

Стражевый
компас

Ксения Журавская

Стражевый компас

<https://litres.ru/73181293>

SelfPub; 2026

Аннотация

<p>В мире, где судьба неизвестно отмечает своих избранных, обычная девушка Ивана Стужева внезапно оказывается в центре внимания. Для всех загадка, почему выбор пал на неё. По всем установленным законам, Ива не должна была оказаться в числе тех на кого указал Стражевый компас.</p>

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Город мечты	15
Глава 2. Последний день	26
Глава 3. Старые друзья	39
Глава 4. Консилиум	48
Глава 5. Дом, милый дом	56
Глава 6. Не чайная церемония	79
Глава 7. Доброе утро, Ив	92
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Ксения Журавская

Стражевый компас

Пролог

Камни, расплавленные в стекло, хрустели под ногами. Этот режущий звук вспарывал мертвенную тишину и пу-стошь вокруг.

Шагая вперёд, я всем нутром ощущал, как гаснут последние всполохи жизни некогда самой прекрасной твердыни во Вселенной. Опустошённая, изуродованная, она прощалась с последними потоками вита.

Не родить ей больше новых племён, не поднять могучие леса, не напоить кровью своей глубокие океаны. От каждой моей поступи она где-то глубоко, в недрах, стонала и содрогалась в предсмертных судорогах.

Я помнил, как создавал её Отец, как вдыхал в неё жизнь и любовался своим творением. Народы, заселившие этот мир, назвали его Селестией.

Внутри горело от досады – от того, что не спасли, не отстояли. Измотанный последним боем, такой же изнеможённый, как эта твердь, я плёлся в неизведанном направлении. Да и какая разница теперь, куда? Главное – идти и держать

меч наготове.

Пепел – мой единственный попутчик – суетился вокруг, оседая на меня серой пылью с запахом гари. То, что осталось от тёмных тварей, и то, что осталось от моих возлюбленных братьев и непобедимых воинов. Они навсегда останутся для меня непобедимыми.

Под рёбрами болезненно кольнуло. В голове возникали образы моих соратников, друзей. Я мысленно перечислял их имена: Арелим... Каниэль... Ронилай... Ноэль... Элирой... Дорилай... Ириэль... Никаэль... Тиэль... Кавиил... Станиил...

Какой-то неизвестный божок получил свою кровавую жертву и упокоился до следующей жатвы. Хотя нет... Я ещё жив.

Временами пепел нервным крошечком разлетался, как рой надоедливых мух, по сторонам, а иногда мягко и безмятежно, крупными хлопьями падал с небес, зачаровывая своим неспешным танцем. Даже среди этого праха я понимал, кто враг, а кто брат.

Светило сквозь серую хмарь тускло маячило, как сигнальный фонарь. Только сигналить было уже некому.

Я – единственный на этой выжженной тверди, не считая притаившейся, где-то тёмной твари, решившей поиграть со мной в прятки. Каждая клетка моего тела ощущала пристальный взгляд невидимого противника. Он где-то рядом: подлю выжидал и выматывал.

Ехидный смешок заставил резко обернуться. Никого. Злорадное хихиканье по очереди раздавалось со всех сторон, на которые я молниеносно реагировал, вращаясь вокруг своей оси и прикрываясь крыльями. Но враг не спешил появляться.

Ну вот, финал уже близок: либо он, либо я – как извечная партия белых и чёрных, третьего не дано.

Крылья дугами распахнулись за спиной, перед тем как снова сложиться и вытолкнуть меня в поднебесье. Несколько оборотов в воздухе заставили сердце биться быстрее, от чего аурум в крови закипал, делая меня неуязвимым. Лучший дар от Отца за великую преданность и безропотное служение – дар, который спасал моих братьев и меня в бесконечных битвах. Но не в этот раз...

«Кто ты, неизведанная тварь, что погубила моих белокрылых воинов?»

Приземлился.

Росчерком меча распорол пространство, вызывая преступника на последнюю дуэль. Воздух вздрогнул. Меч в моих руках вспыхнул праведным огнём.

Время остановилось, а мне хотелось повернуть его вспять – на семь дней назад, когда все были живы. В тот самый день, когда раздался звук сигнального горна...

...Мы стояли на высокой вершине Агилона и тихо возносили молитвы в лучах восходящих Светил: «Fides – Вера», «Spes – Надежда», «Amare – Любовь».

Бледно-жёлтое сияние Веры дарило бесстрашие. Нежная бирюза Надежды делала нас непоколебимыми. Призрачно-розовое свечение Любви вселяло в нас жертвенность и милосердие.

Мы воспаряли ввысь, подставляя лица светилам. Окунались в яркие лучи и впитывали их, как самый изысканный нектар. Благодать окутывала нас под величественный сонм небесных песнопений. Наши крылатые силуэты плескались в рассветной неге – и не было ничего лучше в этот момент во Вселенной.

Но в один миг хрустальное утро рассыпалось...

Рассекая пространства, мы явились на Селестию по первому зову, но оказалось слишком поздно.

Нас встретил Страж. Его тело больше чем наполовину было обожжено неизвестной тьмой. Тяжёлое дыхание говорило о том, что осталось ему недолго.

Оглядевшись вокруг, мы ужаснулись от увиденного. От племён и народов, заселявших эту твердь, осталась лишь зола.

Отряды Стражей не устояли перед неизведанной нечистью. Их тела, хаотично разбросанные по сторонам, были полностью покалечены мраком – никто из них не успел поднять даже меч.

Это была не битва, это была настоящая бойня. Жаль, что в крови Стражей так ничтожно мало аурума – можно сказать, что и нет вовсе. В отличие от нас – высших ангелов, кровь

которых – чистое золото.

«Кто осмелился на такой дерзкий поступок? Кто уничтожил целое мироздание, сотворённое Отцом?»

По очереди возносились над землёй, внюхивались в воздух, вслушивались в землю. Ничего.

Одно поняли: это не чёрные, точно не Люци. Хитросплетённые козни падших мы предугадывали наперёд, мы чувствовали их всегда, знали уловки и стиль, свойственный только им.

После Первой Ангельской войны обе стороны честно придерживались подписанного мирного договора – все чтит установленные правила. С тех самых пор каждый занимался своим делом: они измеряли тьму, мы берегли свет. Небо для тёмных было закрыто раз и навсегда – как главный урок для остальных. Они оставались в междумирье – между твердью и небесами.

А сейчас кто-то новый, мощный, неизведанный противостоял нам.

В поисках «непонятно кого» обшарили всю Селестию. Безуспешно.

Обескураженные, мы оглядывались по сторонам.

– Ради чего нужно было устраивать эту расправу, непонятно? – задумчиво произнёс Ронилай и отбросил обугленный мелкий камень в сторону, который так внимательно до этого разглядывал. – Что-то не так.

Стоило Рони только высказать мысль, как светило это-

го мира, которое здесь называли Солисом, вдруг мигнуло несколько раз и утратило свечение, превратившись в тусклое марево. Мощный порыв ветра ударил в лицо пеплом и песком.

Напророчил Рони.

Такого развития событий из нас никто не ожидал. Как один, схватились за рукояти мечей, готовые в любой момент сорваться в атаку, – но видимого противника не наблюдалось.

Очередной подвох не заставил себя долго ждать.

Мы почувствовали, как воздух тяжестью ложился на плечи, сковывая наши движения. В «густом» пространстве держать могучие крылья становилось всё тяжелее и тяжелее. В бою они станут большой помехой. Оставалось только одно – «бросить крылья». Во время учений мы часто отказывались от их материализации, когда входили в ближний бой, становясь похожими на обычных людей.

Неприятные подарки натолкнули на мысль: «А не специально ли нас заманили на эту твердь? Ловушка?»

Пока догадки пролетали над головами, как в ночи падающие персеиды, лёгкая вибрация покачнула окружающий мир – и в воздухе образовалась капля червоточины. Она вращалась, отчего становилась похожа на... маленький торнадо? Так было принято называть здесь, на Селестии, воздушную воронку, которая сметала всё на своём пути. Только эта, словно разбойник, нагло воровала потоки вита, превращая

её в чёрную жижу. От каждой дозы она становилась всё больше и больше, пока не рассыпалась на двенадцать частей – столько, сколько было нас.

Из этих липких клякс вытянулись руки, ноги, даже головы. Детали их очертаний становились явными, более чёткими. Облачения напоминали стекающую смолу. В них можно было распознать воинов бездны. Но они были выше, изворотливее, умело обращались с мечом.

Семь дней, семь ночей я и мои братья бились без устали, не давая врагу ни малейшего шанса на победу. Наше воинство беспощадно уничтожало всех, но на смену павшим снова появлялись следующие двенадцать тварей. Каждый из нас сбился со счёта – сколько он рассыпал мечами в прах, – но всё повторялось сначала, до следующей партии.

– Ко мне! – раздался возникший из ниоткуда голос, и кланица мечей остановилось.

Этот чёртов голос! Случается, что ангелы тоже сквернословят.

По команде твари из двенадцати слились в одну. Из рук – то ли демона, то ли духа – с невероятной скоростью вылетели двенадцать кинжалов прямо в сердца моих братьев. Никто не успел увернуться; только чудо спасло меня, но плечо оцарапало знатно. Его ошпарило так, словно капля магмы плеснула из жерла вулкана. А так мог действовать только яд – единственный, способный убить ангела. Тот самый, что нагло использовали тёмные в Первой Войне. «Ангельская слеза» –

такое милое название для смертоносной кислоты. Она беспощадно выжигала аурум в крови белокрылых. Яд, уничтоженный основательно бесконечность назад, появился вновь. Откуда?

Одни загадки.

Каждый воин готов к смерти, но не каждый готов видеть смерть своих братьев. Этот ужас останется со мной до конца моих дней.

Они бы выжили, обязательно выжили, если бы не «Ангельская слеза» в их крови и утробно хохочущее чудовище, по щелчку которого белокрылые воины один за другим падали на землю, превращаясь в пепел.

Тёмный дунул – и вихри серого праха взметнулись ввысь. Он словно насмеялся надо мной. А потом просто исчез.

Тяжесть упала с плеч. Через боль расправил крылья и свободно вздохнул.

Семь дней борьбы забрали самых сильных небесных воинов – кроме меня. Остался только я. Видимо, у тьмы на меня были особые счёты.

...И вот я стою один с полыхающим мечом в руках. Ехидный смех разносится вокруг. Тьма сгущается. Вызов принят. Дуэль неизбежна.

Пространство пошло трещинами. Из черноты появился воин.

Его лица я не смог разглядеть – оно расплывалось. Этот выродок прятался под иллюзией. Не хотел светить передо

мною свою демонскую рожу... морду... что там у них ещё бывает?

Я не смог посмотреть в глаза тому, кто уничтожил моих друзей.

Он начал первым. Лениво, как бы нехотя, показывая своё превосходство, – пока мой меч не выжег узор на его бедре.

Мы кружились в боевом плясе: каждый из нас вёл свою партию – иногда сольную, иногда второстепенную. Шли на равных. Пока отродье тьмы подлой подсечкой не выбил меня из равновесия. Резко толкнул к обугленному дереву, схватил за шею и прорычал в лицо:

– Отдай меч.

– А ты отбери, – вывернулся из его захвата, ударил меж рёбер – наверное, они у него имелись. Крутанулся в воздухе, закрываясь крыльями, как в коконе.

И тут меня осенило. Всё затеялось ради меча – сильнейшего оружия во всех мирах. Никто никогда не смел претендовать на него, пока Отец сам не выберет достойного.

Огненный меч мог покорять миры. Только чистому сердцем можно было доверить опасное оружие, которое не поднимется ради собственной гордыни и величия. И такая честь выпала мне.

Хитрый гад. Выманил наш отряд на эту твердь, заставил сбросить крылья. Знал, что мечом в полной силе можно воспользоваться лишь в истинном ангельском обликии и с кипящим золотом в крови. А в моей был яд.

– Не смейся, – зло прошипел выродок тьмы, – его можно отдать только добровольно. Нужно всего лишь отречься от дара.

– Странный ты. От даров Отца не отказываются. Только безумцы или отступники. Ты кто? Безумец? Отступник? – он не ответил.

– Слишком много говоришь для белокрылого. Обычно в этом искусстве преуспели тёмные. Но я был к этому готов: что меч ты не отдашь.

Адская боль прожгла моё сердце. Я опустил взгляд. Из груди торчала рукоять короткого меча, и «Ангельская слеза» новой дозой растекалась по венам.

Дурак! Совсем упустил из вида, что тварь может множиться.

Яд меня не убил, но частично парализовал.

– Ну, любимчик, Микаэль, как ты себя чувствуешь без своей силы?

Злость затопила мой рассудок. Попался, как неопытный пленец.

– Давай сразимся и посмотрим.

– Что-то перехотелось. Устал биться семь дней, семь ночей. Интересно, Микаэль, почему семь – магическое число? Отец тебе не говорил?

Он щёлкнул пальцами – и мои крылья стали тлеть и осыпаться, как благовония в храме Небесного.

– Посмотри на себя. Такой обычный, беспомощный, как

человек, – мягко, с издёвкой. – Откажись от дара, – уже жёстко и зло прозвучало раскатным громом над головой.

– Ты до сих пор не понял, чудовище, – ухмыльнулся, глядя снизу вверх в его расплывчатую морду. – Я и есть меч карающий, мы неотделимы. Огонь связал нас навсегда. Я и есть огонь! – заорал во всё горло.

Чувствую, как силы покидают меня: аурум почти выжжен до конца. Последние усилия – и праведный огонь оплетает меня тонкой сетью. Полыхаю, как дерево в пустыне.

Тёмный растерян. В его картине мира такого не было. Он долго не думал, быстро действовал. И в моём полыхающем теле уже дюжина отравленных кинжалов.

Разум помутился.

Но я – опытный воин. Напоследок прошептал:

– Погибай – врага забирай.

Метнул в него его же отравленный кинжал. Чёрная капля крови – может, смолы, я так и не понял – упала на землю. За ней упал и тёмный.

Твердь подо мной вздрогнула и рассыпалась в прах.

Так погиб прекрасный мир – Селестия.

Я куда-то падаю. Полная безмятежность и... невесомость...

Где-то звучит красивая мелодия – и я мысленно тянусь к ней...

Глава 1. Город мечты

Вышла из маленькой прилегающей улицы на главную площадь Димерстоуна – пятой столицы империи Арксан. Несмело шагнула из тени вперёд и невольно зажмурилась от яркого солнца. Привыкнув, открыла глаза.

Толпа собравшегося народа цветными пятнами неспешно прогуливалась по брусчатке из белого камня на фоне таких же стен и колонн. Недаром эта площадь носила название «Светлый лик».

Оглянулась по сторонам. Замысловатые фасоны нарядов, пёстрые ткани, незнакомые ароматы – всё это отозвалось в моей душе полным восторгом. Я таращилась на всё вокруг, как дикарка, и улыбалась.

Вслушивалась в разговоры. Улавливала причудливые особенности языковых диалектов: некоторые звучали, словно чарующая песня с протяжными звуками; некоторые – рокотом дикого зверя, а некоторые напоминали щебетание птицевелиц.

Я впервые в жизни видела такое многообразие людей в одном месте. Захватывающее дух зрелище. Эйфория кружила голову, и я сделала ещё шаг вперёд.

Димерстоун – город на границе трёх государств, город-ярмарка, город-праздник. Здесь смешались расы и мировоззре-

ния, здесь нет места предрассудкам и застоялым убеждениям. Город, где я хочу быть.

Словно тонкая травинка, подхваченная горным ручьём, я закружилась и понеслась, погружаясь в водоворот столичной суеты.

Витрины имперского центрального магазина привлекли внимание издалека светящимися звёздами плетёных гирлянд и еле уловимыми звуками механической шарманки. Тихая мелодия захватила в плен, отголоски шумного города стихли, и мне показалось, что эта музыка предназначалась только для меня.

Повинуясь зову, устремилась к яркой инсталляции. Небрежно растолкала встречных прохожих, чтобы оказаться возле знаменитых витрин.

О них знали даже в малых городах, о них складывали легенды и приравнивали к одному из чудес света. Мифы гласили, что созданные сюжеты живые, способные увлечь за собой в пространство фантазии и грёз. Воздвигали их великие и выдающиеся мастера и художники текущего времени. Творения эти недолги и менялись к почётным датам и торжествам.

Праздник Листопадов, девятого месяца, уже завтра.

Приблизилась. Передо мной – витрина в три человеческих роста, подсвеченная огоньками цвета лимонной фрезии. Коснулась холодными ладонями стекла, вгляделась сквозь прозрачную преграду, надеясь увидеть все тонкости

удивительного зрелища. Подняла глаза наверх, а оттуда на меня смотрел Ангел. Он сидел на тонком полумесяце и держал букет из оранжевых остроконечных кленовых листьев. Вокруг него в воздушном пространстве кружили былинки от нежно-жёлтого до жгуче-красного цвета и медленно оседали вниз.

Красивая мелодия звучала в моей голове и погружала в атмосферу таинственности.

Ангел резко опустился ко мне на широко раскрытых, шуршащих за спиной белоснежных крыльях и завис в воздухе напротив меня. Передо мной оказался ребёнок со златокудрыми волосами, нежной полуулыбкой на детском лице. Его серебристые глаза внимательно меня рассматривали, будто пытались во мне что-то увидеть. Протянул руку и прижал ладонь к моей – только стекло разделяло наше прикосновение.

«Не может быть... Чудо! Настоящая магия и волшебство! Они и вправду живые, эти витрины!» – плясала мысль в голове.

Счастье затопило душу, и слезинки вот-вот скатятся по моим щекам. Чтобы не расплакаться окончательно от избытка чувств, начинаю часто моргать, и невидимая дымка покачнулась, рассеялась, унося с собой малыша-Ангела. Он исчез, словно ничего не было. Это всего лишь мираж, мои фантазии.

Подняла голову вверх. Златокудрый ребёнок по-прежнему

му сидел на полумесяце, его крылья совершали плавные движения, не давая жёлто-красным былинкам упасть. Очередной взмах поднимал их вверх, закручивая в маленькие вихри.

Сказка рассеялась, музыка остановилась. Вновь слышу шум улицы и звуки многочисленной толпы. В этот момент огни гирлянд погасли, и с зеркальной поверхности витрины на меня смотрела девушка в бесформенной куртке, в свободных штанах, в вязаной шапке, натянутой почти на глаза.

«Нет, на Смотровую башню сегодня не пойду. Для первого дня в столице приключений достаточно», – решила я.

Дорогу до нового жилья запомнила хорошо. Сражённая наповал произошедшим, побежала обратно.

Свернула вновь на маленькую улочку и по освещённой дороге двинулась к набережной. Постепенно помпезные высотные здания центральной части города сменились малоэтажными домиками с черепичными крышами малого района. Накануне праздника Листопадов незаметно наступившие сумерки принесли первый холод.

Растёрла руки в надежде согреть озябшие пальцы. Подышала на ладони – появившееся прозрачное облако пара подхватил и унёс стремительный ветер. Вышла на набережную и замедлила шаг, любясь открывшимся видом. В зеркальной глади реки отражались тонкие уличные фонари, стройные ряды живописных построек старинной архитектуры и отблески первых звёзд на вечернем небе. Очередная сказка

большого города.

Перебежала выгнутый дугой мост, нырнула в арку между зданий – и вот знакомая вывеска над входом: «Дом стипендиатов под патронажем имперского совета». Довольная, «влетела» в подъезд, перепрыгнула через несколько ступенек – и я на нужном этаже. Отдышалась и открыла дверь своим ключом.

Своим!

Ввалилась в прихожую крохотной комнатухи, которую делила с Тайрой.

– Ива, ты где пропадала? – с огоньком упрёка в глазах спросила Тай.

– Ну почему ты не пошла со мной? – заключила её в объятия, но она ловко увернулась и, осуждающе приподняв бровь, продолжила: – Это невероятный город, Тай. Просто фантастика! С нашей глухоманью не сравнить. Здесь начинается будущее! – Я кружилась и танцевала по комнате, напевая незамысловатую мелодию.

– Тебя искал Винс. Ты стащила его куртку?

– Не переживай, сейчас отдам.

– Не надо, – мы развернулись в сторону дверей, где собственной персоной стоял Винс.

Как назло, появился в ненужный момент. Чему удивляться – это так на него похоже.

Винсент Колдрей всегда оказывался рядом с того момента, как мы впервые встретились. Его десятилетнего маль-

чишку ввели в обеденный общий зал интерната, когда воспитанники заканчивали завтрак. Он стоял, разглядывая всех с интересом, всматриваясь в лица. Его синие глаза вдруг остановились на мне. Не сказав ни слова, подошёл и сел рядом.

Все эти годы мы были друг другу как настоящие брат и сестра, если бы не тот злополучный бал «Белых роз». С тех пор, как ни пыталась вырваться из зоны его внимания, всё бесполезно... Даже сейчас, при распределении временного жилья, он оказался в одном доме, в одном подъезде, на одной площадке – в соседней квартире.

Поначалу меня это раздражало, порой невыносимо бесило. Потом смирилась. Оставила его выбор за ним, свой я уже сделала.

Винс – мой странный, угрюмый друг... Всегда будет только другом.

– Ты ещё и шапку мою прихватила.

Опустила голову, устремляя на него взгляд исподлобья, посылая вдогонку извиняющуюся улыбку.

Ну почему я умыкнула вещи Винса, а не Андриса?

– Слушай, Винсент! Мне нужна твоя куртка и шапка. Так спокойно гулять по городу, притворяясь парнем – никто не пристаёт и не обращает внимания.

– Почему ты не позвала меня с собой? Я смог бы тебя защитить в случае чего.

– Ви-и-нс! Мы и так слишком долго вместе. Мне нравится одной бродить по незнакомым улицам, впитывать энер-

гию столицы. Возможно, это скоро станет для меня обыденностью, но пока... Ну что, дашь?

Он молча кивнул, давая своё согласие.

Только сейчас поняла, что в нашей комнатухе пахнет едой. Поглощённая новыми эмоциями, не заметила, что целый день ходила голодной. Аппетитный аромат защекотал ноздри, вызывая урчание в животе. Тайра заметила, как я втягиваю воздух, и мило улыбнулась. Откинула длинную чёлку модной короткой стрижки с лица назад и громко сказала:

– Винс, – обратилась она к нему, – зови Андриса, отметим наш с Ивой первый день самостоятельной жизни.

Он развернулся широкой спиной к нам и молча вышел. Он всегда нравился девушкам сдержанной красотой: скуластый подбородок, тонкий с горбинкой нос, тёмные волнистые волосы до плеч и поразительной синевы глаза. Спокойный, уравновешенный, благородный – его часто принимали за мальчика из семьи аристократов. Если скажут, что он смешил, хохотал, пересказывал щекотливые истории, ответу: «Нет, кто угодно, но это не Винсент Колдрей». В шутку дала ему прозвище «Винс – настоящий принц», в отместку он дёргал за кончик моих волос и хитро улыбался.

– Ива, так и не дашь ему шанс? – прошептала Тай, поворачивая голову в сторону, где только что стоял он.

– Тайра Листон, заканчивай этот разговор, – произнесла я строго, обращаясь к подруге по её полному имени – так я

делала, когда начинала злиться.

Вечер мы провели за душевными разговорами. Наслаждались горячим чаем, который был так необходим в это время года. В комнате царил удивительный аромат ягод, фруктов и трав.

Мы болтали, делились впечатлениями и новостями. Оказалось, что парни взяли напрокат моторон и пообещали обязательно отвезти нас на праздник.

Так, в уютной и спокойной атмосфере, завершился наш первый вечер самостоятельной жизни.

Встала до рассвета. Не издав ни звука, мягко опустила босые ноги на прохладный пол. Еле слышно натянула вещи. Осторожно прокралась в сторону купальни, боясь издать лишний шорох. Главное, чтобы Тайра не проснулась! Не хотелось её будить ради своих глупых затей.

Несколько пригоршней холодной воды освежили моё лицо. Как уличный воришка, прошла на цыпочках к выходу. Закрутила волосы в высокий пучок и натянула шапку. Куртку сняла с вешалки и щёлкнула дверным замком. Замерла. Прислушалась к дыханию Тай... Спит.

Выбежала из парадной, на ходу кутаясь в мужскую куртку. Город ещё дремал в предрассветной дымке. Мысленно составила маршрут до Смотровой башни и двинулась к цели. Встречные прохожие в утренних сумерках казались нето-

ропливыми серыми тенями, движущимися каждый в своём направлении.

В предрассветный час возле башни было тихо и безлюдно. На одном дыхании преодолела несколько ступеней с разбега. Дальше поднималась всё выше и выше. Последний пролёт остался позади. Приятная дрожь охватила тело от усталости и волнения.

В этот момент только я смотрела на весь мир с такой высоты. Мой взгляд уходил далеко, касаясь линии горизонта, где зарождались первые отблески молодого солнца. Оперлась о перила смотровой площадки. Открывшийся вид потрясал воображение. С такой высоты город казался сплетённым из игрушечных домиков, а крыши походили на цветные камешки мозаики. С чердака пансиона я видела только скотные постройки хозного двора.

Двигалась дальше вдоль перил. Вот и центральная площадь! Жители Димерстоуна готовились к празднику Листопадов. Возводили шатры для народных гуляний и представлений из красочных полотен. Торговые люди украшали павильоны светящимися цветными лампочками. Обязательно в одном из них куплю яблоко в карамели и горячую сырную бриошь.

Это будет лучший праздник в моей жизни.

Солнце набирало силу. Белые облака окрасились в розовый.

Раскинула руки в стороны и закрыла глаза, подставляя ли-

цо ярким лучам и наслаждаясь моментом – я встретила расцвет в одном из самых красивых городов мира.

Шорох за спиной заставил резко обернуться. Никого... Может, это Винс? Но тревога зародилась. Пора возвращаться. Повернулась, чтобы в последний раз посмотреть на расцветный город, залитый утренним солнцем, и направилась к выходу.

Маленький подвиг сегодня совершила – взошла по лестнице на самую высокую башню столицы. Обратно спущусь на подъёмнике, иначе праздник Листопадов просижу дома с больными ногами.

Нажала на кнопку, дверь открылась. Там стоял человек. Он неожиданно двинулся мне навстречу. Полы тёмного плаща зловеще развевались. Я не увидела лица – оно было скрыто в глубине капюшона.

Попятилась назад и выставила руки вперёд, надеясь остановить незнакомца. Спиной упёрлась в перила. Мне некуда было бежать. Мужчина приблизился вплотную. От страха пересохло в горле. Он замер, словно задумавшись.

Короткий удар в грудь. Слышу крик – свой крик от ужаса. И в следующую секунду лечу вниз, ломая воздушный поток. Резкая боль разорвала тело.

На грани сознания помутневшим взглядом уловила плавно падающую золотую былинку, похожую на перо. Картинки сегодняшнего дня закрутились в воронку и сжались в одну точку. Сознание померкло.

Вот и всё. Меня... нет.

Глава 2. Последний день

Солнце ударило по глазам, когда я вышел из салона на трап пассажирского летуна «Воздушной Императорской Компании» (ВИК). Сложил ладонь козырьком, всматриваясь в толпу. Ждёт?.. Не ждёт?.. Гадаю, словно юная девица на конфетных фантиках.

Очередная серия испытательных полётов окончена, и я, молодой офицер, отправлен в долгожданный отпуск.

Аэровокзал гудел от собравшегося народа. Встречающие махали табличками с именами, другие готовили объятия. Провожаящие трогательно смахивали слёзы платком и помогали будущим пассажирам нести багаж разных размеров.

Спустился с трапа – и... возле колонны главного входа стояла она. Сердце ускорилося, словно выпавший из кармана шарик, который с каждым ударом об пол сменяет размеренный темп на беспокойное стаккато.

Как оголтелый мальчишка, рванул к ней. Она была прекрасна – моя звезда, мой воздух, Райлин Ратовски. Я всегда называл её полным именем. Никогда – Лин. Никогда – Рай, хотя для меня она им и являлась.

Смоляные волосы идеальными волнами спускались до середины плеча. Лазуревое платье, подобранное в цвет её глаз, плотно облегалo точёную фигуру. Даже туфли на высокой

шпильке не мешали ей приближаться ко мне походкой дикой чёрной кошки – такой же хищной и беспощадной в своей красоте. Моя.

Сладострастный поцелуй после долгой разлуки вдруг обжёг болью...

Чёрт!.. Опять уснул с сигаретой во рту на диване. Когда наконец брошу?

Очередная беспокойная ночь. Вновь этот сон – воспоминание – терзал меня на грани реальности и полудрёмы.

Старые травмы сковали тело жгутами, спазмы не давали свободно дышать. Это всё девятый месяц года – дождливое межсезонье. Чтоб его!

Праздник Листопадов уже завтра, а это значит, что истекает моя пятилетняя служба в конторе у Гордиана Варда. Надеюсь, последний день пройдёт так же без приключений, как и прошедшие в этом году – без единого заказа. И я уеду подальше из города, в какое-нибудь забытое простолюдное место на окраине империи, где никому не будет до меня дела, где на маленьких улочках можно встретить одного двух человек, а иногда – вообще никого. Устал от столичной суеты и душной толкучки прохожих.

Только мои мечты «поплыли» в сторону тихой жизни в глуши, как раздался звонок связника.

Перекатился набок, встал, заплетающимися ногами дошёл до стола и взял трубку.

Я заранее знал, что это Гордиан: за последние пару лет

только он интересовался моей жизнью – но исключительно по делам.

– Да, Горди... И тебе хорошего дня!

У нас сложились рабоче-приятельские отношения: дружили на службе, а после разъезжались в разные стороны.

Несмотря на то что Вард старше в нашей служебной иерархии, он не возражает против того, как мы сокращаем его имя: вместо «Гордиан Вард» – просто «Горди».

– Хорошо... Зайду в отдел «Артефактов». Буду через час, – бросил трубку.

Неужели заказ? А я так мечтал о спокойном дне.

Только сейчас понял, что даже не удосужился переодеться в домашнее – так и уснул в потёртых штанах и белой спортивной майке. Принял быстро прохладный душ и сменил одежду. Выпил крепкий кофей. Схватил дорожную сумку и отправился на стоянку, где ждал меня мой моторон высшего уровня – с прозрачным верхом и цветом ночного неба. При лунном свете казалось, что он и вправду мерцает серебристой пылью, напоминая яркие точки на небе.

Моторон подарил мне отец на окончание Лётной академии с золотой звездой. Приручал своего зверя на горных серпантинах, в путешествиях в Крайние леса, где о хороших дорогах знали, но не видели отродясь. Чувствовал себя воином из старых баллад, который приручил дикого коня – того, что

стал ему надёжным другом и не раз спасал всаднику жизнь.

Сколько же было надежды у отца на своего любимого наследника! Сколько гордости за летателя «номер один» в академии... Но всё ушло в пустоту. Оставил прошлое позади, только не смог отказаться от своего железного зверя с мотором.

Через четверть часа я стоял у стеллажа в отделе «Артефактов», где добродушный Лим вручал мне компас.

Эх, последний день его держу. Вспомнил своё первое дело в качестве стажёра, когда это чудо техники попало ко мне в руки. Для нас, летателей, уметь выстраивать координаты и правильно «читать» показания с компаса не составляло ни малейшего труда. Но то, что называли компасом в конторе у Варда, не имело никакого отношения к настоящему компасу в понимании обычных людей. Наш аппарат был настроен на объект, считывал его в толпе и указывал путь к цели.

– Горди просил тебя к нему зайти, как появишься, – почесал вихрастую рыжую макушку Лим.

– Заскочу, – махнул ему рукой, желая удачного дня.

Дверь в кабинет была открыта. За столом, уткнувшись лбом в ладони и о чём-то глубоко задумавшись, сидел Гордиан Вард. Непривычная для него поза – ведь он несгибаемый, как его имя. Только Полин называла его мягко, как умеют только женщины, – Диан. Горди для работы, Диан для жены.

Из приличия постучал костяшками пальцев о деревянный

косяк, прося таким образом разрешения войти. Вард даже не повернул голову в мою сторону, просто коротко произнёс:

– Заходи.

Сел напротив, не спрашивая позволения. На служебный этикет в конторе не отвлекались: считали это ненужным «шарканьем», отнимающим много времени от действительно важных дел.

– Завтра заканчивается срок твоей службы. Продлишь приглашение?

– Нет, – короткий ответ от меня. – Свою норму отработал. Последний день – последний заказ. И всё... Компас получил. Исполню всё чётко, согласно инструкции и моему богатому опыту, – ухмыльнулся и качнулся назад на спинку стула.

– И куда дальше? – наконец Горди поднял голову и посмотрел на меня – вернее, сквозь меня, обращаясь ко мне и одновременно в пустоту.

– Приглядел одно тихое местечко на границах.

– Тогда до завтра. Жду полного отчёта по делу, – сухо и ясно. Ничего лишнего – в этом весь Гордиан Вард.

Отъехал от конторы до ближайшего перекрёстка – к маленькой закусочной, где я часто останавливался днём, чтобы съесть хорошо прожаренную отбивную. Заодно изучу заказ и проверю координаты.

Полученные данные гласили, что наблюдение за объектом желательно начать с сегодняшнего вечера. Он должен оказаться на центральной площади.

М-да, среди толпы, да ещё накануне праздника Листопадов, сделать это будет нелегко.

Домой возвращаться не хотелось. До вечера можно поспать в машине. После маетной ночи я с удовольствием это сделал.

Проснулся оттого, что капли дождя твёрдыми крупинками ударяли о лобовое стекло. Лениво растёр затёкшую шею. Взглянул на хронометр. Пора...

Двинулся в сторону главной площади. К центру народа становилось всё больше и больше, мотороны создавали длинные заторы на дорогах. Все готовились отмечать праздник.

Обычно серые дома преобразились, примерив на себя полотно от мерцающего золота до жгучего пурпура. Красные флажки балконных гирлянд раскачивал прохладный ветер. На дверях – венки, символ богатства и плодородия: из жёлто-оранжевых листьев с вкраплением крупных ягод яркого винного оттенка.

Оставил своего железного зверя в проходном переулке недалеко от площади. Компас, на манер хронометра, надел на правую руку и углубился в толпу – в ту точку, где должен появиться объект.

Праздник наступит завтра, но люди в предвкушении начинали отмечать уже сегодня, настраиваясь на весёлый лад.

Вот парень осыпает девушку цветным серпантинном; она, смеясь, ловит спиральки руками и подбрасывает их в воз-

дух. Пожилая парочка в одинаковых широкополых шляпах с торчащими в разные стороны колосьями отбивает простой ритм ногами под мотив всем знакомой песни. Дети в накидках-распашонках кружатся, раскинув руки в стороны, изображая падающие листья.

Они напоминали мне цветных рыбок в аквариуме. За стеклом у них своя жизнь – и меня она не касалась. Смотрел на всё со стороны, не мог вспомнить, когда в последний раз по-настоящему веселился.

Нет! Стоп! Никаких воспоминаний...

Обошёл площадь по периметру – компас не реагировал.

Где объект? Координаты проверил: просчётов не должно быть. Компас никогда не ошибался!

Руку кольнуло. Лёгкая вибрация тонкими иглами пробежалась по коже. Так! Цель рядом. Стрелки компаса направлены в сторону Чудо-витрин. Пришлось расталкивать встречных. Главное – не потерять сигнал.

Я на месте. Оглядываюсь по сторонам: необходимо выцепить найдёныша из цветной толпы празднующих. Подошёл ближе – в этот момент подсветка витрины неожиданно погасла, и сигнал пропал... Что за?! Компас замер. Может, сломался?

Несколько минут я метался вдоль витрин, ища внешне подходящих людей. Не нашёл. Компас по-прежнему «молчал». С отчаяньем развернулся к отражающей поверхности стекла. На меня смотрела моя копия с искажённой злой ух-

мылкой. Откинул голову назад, подставил лицо колючему ветру и сделал глубокий вдох, сковывая своё разочарование внутри.

Это мой промах. Вот так случается: последний заказ – и первый провал. Хаотично кручу компас в надежде уловить остаточный сигнал – всё бесполезно, реакции нет.

Не замечая ничего вокруг, тёмным пятном на фоне ярких красок праздничных нарядов, добрался до моторона. Распугал гуляющих прохожих сигналом клаксона – от удара кулаком о руль.

Хорошая езда часто умиряла мой внутренний пыл. С места сорвался с пробуксовкой и умчался, как принято писать в женских романах, «в ночь».

Город сменялся быстрыми картинками – я не понимал, куда еду. Основной позывной – «Скорость!». Не заметил, как ночная мгла окутала город, погружая его в глубокий сон.

Остановился у пустых торговых рядов – и усталость неожиданно навалилась тяжёлой плитой. До дома слишком далеко. Мне не привыкать ночевать в стеснённых условиях: всё-таки я бывший военный, а моторон – не худшее место для сна. Достал из дорожной сумки плащ, укутался потеплее и откинулся на спинку сиденья.

«Я выполню грёбаный заказ, чего бы мне это ни стоило», – с этой мыслью отключился.

Соскочил, задыхаясь, с широко раскрытыми глазами, не понимая, что произошло. Боль стремительной стрелой прошила руку – от самого запястья в область плеча, далее в солнечное сплетение. Растёр грудь от удушливого спазма и только сейчас понял: это компас. Сработал компас!

Мощно так сработал – ничего подобного раньше не происходило. Всегда появлялась лёгкая вибрация, не оставлявшая после себя никаких отметин.

За доли секунды вылетел наружу, следуя туда, куда ведёт стрелка. Успел схватить только плащ. Пробежал торговые ряды: владельцы лавок уже всюю выкладывали товар, готовясь к праздничному наплыву людей. Бегу дальше – мимо здания мэрии. Город ещё спал, улицы непривычно пусты.

Передо мной – Смотровая башня. Накинул плащ, спрятал голову в капюшон. Компас настойчиво вёл к самому высокому зданию столицы. Опустил рычаг подъемателя – плетёная решётка дверей распахнулась в разные стороны, и я медленно поднялся на самый верх.

Остановка. Ещё чуть-чуть – и я увижу, кто от меня вчера убежал. И наконец закончу соглашение между мной и Вардом.

Перепрыгиваю через порог – а мне навстречу шагает тощий пацан.

Вот ты мне, дружок, и нужен!

Не знаю, как сейчас выгляжу в этом плаще, но, думаю, зловеще. Глаза парня раскрылись широко. Он затаил дыха-

ние, попятился от меня назад, выставляя вперёд руки. Маленький какой-то, щуплый. Обычно объекты – парни высокие и статные; с ними приходится бороться, чтобы осуществить предначертанное. Мне же проще: всё пройдёт быстро, без сопротивления.

Ну... нечего тянуть неизбежное. Приступим.

Стремительно шагаю к нему: все пути отхода для него отрезаны – он упирается спиной в перила площадки. Бью в грудь. От силы удара парнишка опрокидывается и летит вниз. Ещё несколько секунд – и всё закончится. Смотрю сверху, провожая его в последний путь в этой жизни.

Поток воздуха срывает с мальчишки шапку – длинные светлые волосы спутывают его, словно кокон. Моё сердце остановилось.

Что-о?! Этого просто не может быть!

Девчонка?!

Повинуясь инстинктам, она рваными движениями хватала воздух, веря в последнюю возможность спасения. Именно этот момент я презирал больше всего – видеть, как страх и непонимание застилают глаза избранных, как гаснет последний огонёк надежды, когда приходит осознание, что это «конец».

Считаю секунды. Только не упустить возможную высоту. Долетела до середины. Уже пора...

– Ну, давай! – кричу ей вслед.

Падает дальше – а это ой как серьёзно.

Закрыв глаза. Собираю эфир в руках – это крайняя мера, когда ситуация выходит из-под контроля. В сознание врывается голос Варда:

– Эфир использовать тогда, когда катастрофа неизбежна!

Видимо, моя катастрофа случится через доли секунды, если эфир не достигнет нужной плотности. Собираю всю волю, фокусируюсь на дыхании. Пульсирующая сфера, словно бьющееся сердце в руках, приобретает прозрачно-голубой оттенок. Вливаю энергию – она становится плотнее, искрятся всполохами тёмно-синего цвета.

Я готов.

И со всего размаха запускаю шар в девушку.

«Неужели не успел...»

Она уже возле земли.

Адреналин хлестал в моей крови; ментальные послылы в сторону этой девчонки невидимыми петлями стремились её удержать. Реальность сузилась до единственной неудачницы – мне показалось, что я могу схватить её рукой.

Резко выгнувшись, она издала истошный крик. Мне стало больно вместе с ней.

И за спиной девчонки раскрылось ослепительно ярким светом золотое крыло.

Одно...

Волна судороги прошла по её телу – и она потеряла со-

знание.

Шар эфира врезался в безвольную фигуру, оплетая узором энергетического рисунка, создавая вокруг неё светящуюся сферу. Она зависла внутри шара, словно пойманный мотылёк, на трепыхающемся золотом крыле.

Понятие «время» исчезло. Я не помнил, как и сколько бежал обратно вниз. В этот момент вся моя вселенная сосредоточилась на несостоявшемся Страже, которого я чуть не угробил. Да и Страж ли она вообще? Они – только парни. Так было всегда, и никаких исключений: закон непоколебим.

Приблизился к ней, уцепил край энергетического плетения и потянул на себя, распутывая узлы эфира, поглощая его обратно. Вгляделся в лицо – совсем юная. Коснулся крыла: оно забилося, как испуганная птица.

Люди представляют, что крылья ангелоподобных состоят из пуха и перьев, как у обычных пернатых. Но в реальности они представляют собой чистый плотный поток света, принимающий образ больших птичьих крыльев.

Погладил его, успокаивая. Оно сложилось и втянулось воронкой в точку выхода – в область лопатки. Девчонку начал колотить озноб, и тонкая струйка крови рассекла её подбородок. Укутал хрупкое тело в плащ в надежде, что ей станет легче.

«Что же с тобой, ангелочек, делать? Ума не приложу».

Вард...

Только он знал ответ.

Нажал на связнике кнопку «Один».

Глава 3. Старые друзья

Связник нервным дребезжанием разрушил тягучую тишину старого кабинета. На поверхности деревянной коробочки красовалась цифра «один».

Звонил Баркли.

– Да, Элай!

Из динамика доносилась обрывистая речь Ловца. Он был крайне зол.

Выслушав эмоциональную тираду Баркли, я задумчиво ответил:

– Скоро буду, – и отключил кнопку связника.

Слова Элая вернули меня на три недели назад.

В то утро, как назло, сломался мой старенький моторон, а за окном грозовые раскаты предвещали скорый дождь. Они заставили Грегори, моего пожилого пса, рвануть в ближайший угол. Там он, уткнувшись носом в пушистые лапы, поскуливал и сотрясался от страха.

Злополучный ливень не заставил себя долго ждать. Он ворвался в город и задержался там на несколько суток, словно полноценный хозяин.

До работы я добрался на заказном мотороне – не в лучшем настроении. В конторе всё не складывалось: видимо, этот день решил устроить мне забастовку. Домой отправился

пешком, чтобы хоть как-нибудь развеяться от навалившихся проблем. Не помогло.

Вымокший до последней нитки, я вернулся из конторы в прескверном состоянии. Никакой зонт не спас от вездесущей воды.

Через силу улыбнулся Полин. Я никогда не позволял себе отягощать её своими заморочками, старался оставлять их за порогом нашего жилища, сохраняя мир для нас двоих.

Притянул к себе и нежно поцеловал жену в то место, где линия скулы плавно переходила в шею. В ответ получил лёгкое поглаживание тонких пальцев по моей щеке – то самое прикосновение любимой женщины, которое, словно заклинание, спасало от всех тревог и сомнений.

За десять лет нашего брака Полин научилась считывать моё состояние. Она каким-то неуловимым чутьём понимала, что нужно мне в конкретный момент. Её смешные истории не раз спасали от серой тоски, а лёгкий танец и мелодичный смех созвучно переплетались с моими в моменты радости и триумфа.

Но сегодня, по непонятной мне причине, она была грустна.

Ужинали молча.

– Полин?

Она не услышала моего обращения, гуляя в своих мыслях. Только морщинка на переносице говорила о том, что её что-то тревожит.

– Полин? – повторил я снова.

– А?.. Что?.. – вздрогнула и взглянула на меня широко раскрытыми глазами.

– Что случилось? На тебе лица нет.

Она отложила вилку в сторону, локтями упёрлась в стол, нервно теребя салфетку. Еле сдерживая слёзы, достала из кармана помятый лист с круглой печатью и протянула мне.

Уголки её красивых, чётко очерченных губ дрогнули, и по бледным щекам потекли прозрачные капли.

Бегло пробежался по «сухим» формулировкам и посмотрел на самого дорогого человека в моей жизни. Такая маленькая бумажка с буквами, сложенными в дурацкие весты, вынула из Полин всю надежду.

В груди защемило.

Подошёл к ней и протянул руки. Она, не поднимая заплаканных глаз, вложила в них свои маленькие ладони. Помог подняться со стула, крепко прижал к себе. Гладил по узкой спине, успокаивая. Мне хотелось забрать боль Полин – всю без остатка.

Провёл носом по волнистым волосам. Они так приятно пахли травами. Вдохнув, шёпотом произнёс:

– Всё будет хорошо... Мы со всем справимся.

– Нет, Диан! – оттолкнула меня коротким движением. – Как ты не понимаешь, у нас нет шансов. Мы должны развестись.

Последние слова Полин прозвучали словно удар под дых,

останавливая моё дыхание на несколько проклятых секунд.

– Нет, дорогая! Я клятв не нарушаю: «...в беде и здравии...», всегда буду с тобой до последней точки, – ударил кулаком о стену, притупляя душевную боль.

Она смотрела на меня с отчаянием.

– Ты должен быть счастливым. Я не могу дать того, чего ты хочешь.

– Поли-и-ин... – взревел я. – Этого хочешь ты. Не решай за меня. Я тебя люблю, остальное неважно. Мне. Неважно. Ты. Моя. Жена. Других у меня не будет.

Я никогда не любил высокопарные слова и возвышенные фразы. Они казались мне легковесными – произносить их вслух было то же самое, что запрещать дождю падать с неба. Также бессмысленно. Только поступки должны говорить за них.

Но в тот день я почувствовал, насколько каждое сказанное мной слово имело вес в моей душе. И если их оттуда вынуть, то останется пустота и холод.

Понял... что люблю Полин Вард бесконечно.

Слёзы рассекали красивое лицо моей жены. Она сделала два шага назад, развернулась и убежала в спальню, запечатав двери металлической задвижкой.

Не вынимая рук из карманов брюк, я простоял некоторое время в комнате, давая успокоиться ей и себе. Поднялся на второй этаж, дёрнул ручку двери – заперта. Постучался. Полин не ответила.

В прихожей было тускло, как и во всём доме. Он словно замер вместе с нами в угрюмой тоске.

Снял мокрый плащ с вешалки – тот ещё не успел высохнуть после дождя. «Может, надеть другой? – мелькнула мысль. – Хотя зачем? Всё равно мокнуть».

Грегори жалобно заскулил, упираясь лбом в мою ладонь. Я молча вышел на улицу.

Ноги сами принесли меня к маленькому бару на углу соседнего дома – под вычурным названием «Старый башмак». Всю дорогу я думал о Полин, вспоминая нашу первую встречу.

Это был седьмой, невыносимо жаркий месяц года. Я прогуливался по набережной, наслаждаясь речной прохладой. Мой взгляд остановился на девушке, которая, так же как и я, спасалась от невыносимой духоты у самой кромки реки.

Голубое платье подчёркивало её изящную спину; узкий поясок обхватывал тонкую талию, на контрасте которой округлые бёдра выглядели особенно притягательными. Низ платья зауживался чуть ниже колен, открывая стройные щиколотки ног. Белоснежная повязка спасала голову девушки от палящего светила.

С реки подул озорник-ветер и сорвал с незнакомки лёгкую ткань. Каштановые волнистые волосы рассыпались по спине. Долго не думая, словно у соперника отвоевал свой трофей, я поймал невесомую повязку в воздухе.

Девушка обернулась, убирая непослушные пряди с лица,

которыми по-прежнему играл ветер, и посмотрела на меня глазами цвета тёмного ореха – такими же, как у меня. Она щурилась от солнца, и лёгкая улыбка тронула её губы. Незнакомка светилась в тёплых лучах. И, не сговариваясь, мы шагнули навстречу друг другу.

Тогда мои воспоминания о Полин прервал грохот дверей. Знатно надравшийся муж вышел из бара, что-то бурча себе под нос. Шатаясь, он побрёл только в известном ему направлении.

Безлюдный бар встретил меня полумраком и ненавязчивой музыкой. Воздух пропитался запахом дешёвых сигарет и алкоголя. Пустые круглые столики стояли, как фигуры на игровой доске, словно призывая: «Садись! И сделай свой ход!»

Я прошёл мимо, чётко держа путь к барной стойке. Владелец бара Руни умелыми движениями протирал полотенцем кружки. Увидев меня, приветственным жестом махнул рукой.

Я сел на высокий стул и заказал стакан зерновой. Когда несколько глотков обожгли горло, за спиной послышались приближающиеся шаги. Рядом со мной оказался следовательно имперской службы безопасности Николас Де Берг.

– Вот так сюрприз! Не ожидал увидеть тебя здесь, Горди. Решил упиться в одиночестве? Плохая идея. Давай вместе, – махнул рукой Руни. – Мне то же, что и ему, – указал он бармену на мой стакан.

Николас Де Берг – давний приятель, с которым меня свя-

зывали студенческие подвиги. Таким, как мы, скучно было протирать штаны на жёстких скамьях в «Университете государственных чинов». Нас влекли приключения, порой сомнительные. По глупости юношеских лет мы не понимали и не отдавали себе отчёт в совершённых проказах. Сколько раз были на грани того, чтобы навсегда оставить одно из самых престижных учебных заведений империи!

Окончив университет, наши дороги разошлись – и мы отчаянно двинулись каждый по своей. Но при случайных встречах всегда общались как старые друзья.

Мы не задавали вопросов по работе. Вспомнили несколько молодецких проделок, и Ник вдруг спросил:

– Так почему ты сегодня здесь?

Я поморщился и, стукнувшись стаканом о стойку бара, ответил:

– Личные проблемы.

– Ну, Вард, давай выкладывай. Немногословный ты наш.

Действие зерновой имеет такую особенность, как «развязывать» язык.

– У нас с Полин не будет детей. Это выматывает и рвёт ей душу. Её боль разрушает меня, а я не знаю, как ей помочь. Будет у нас ребёнок или нет – дело Небесного. Мне нужна она, красивая, добрая. Я так её люблю, Николас.

Он сочувственно похлопал меня по плечу.

Мне хотелось перевести разговор в другую сторону:

– Слушай, а почему ты тоже здесь?

Де Берг потёр переносицу и с прищуром посмотрел на меня:

– У нас за два месяца три одинаковых убийства. Какой-то психопат сбрасывает молодых женщин с высоты и оставляет вот это, – он протянул мне рисунок, на котором девушка с крыльями за спиной парила в воздухе, а под ней значилась надпись «Новоявленная». – Больше никаких зацепок, ни свидетелей. Ни-че-го! Что значит эта картинка – неизвестно. Завтра уезжаю на границы, в старинный монастырь. Оттуда пришло письмо по нашему запросу – что-то нашли. Меня дёргают со всех сторон. Устал дико. Вот решил расслабиться, а тут – наудачу ты.

Хорошо, что Николас Де Берг не знал про существование Ордена Ловцов, в обязанности которых входило сбрасывать людей с высоты – но только парней и никогда девушек. Орден прикрывался частной розыскной конторой «Г. Вард и компания». Для всех я был первоклассный сыщик – как и мои ребята.

Прошло три недели, а этот разговор с Ником крепко засел в голове: «...какой-то психопат сбрасывает девушек...»

Кто-то ищет девушку – зачем? Что-то уплывает у меня из-под носа, а я предположить не могу, «что». Возможно, ищут «нашу» девушку – ту, о которой только что сообщил Элай Баркли.

На связнике я нажал кнопку «ноль три», вызывая штатного врача:

– Ратис, у нас выезд. Срочно!

Глава 4. Консилиум

Ждать Гордиана Варда долго не пришлось: он прибыл в сопровождении чопорного Ратиса Строма, штатного орденского лекаря. Пока я и Вард молча прожигали друг друга взглядами, Стром огладил завитки своих тонких усов и начал действовать. Долговязый и нескладный, он удивительно быстро двигался.

Ратис напоминал хорошо отлаженный механизм, в котором каждая шестерёнка знала чёткую последовательность действий: осмотрел пострадавшую, открыл лекарский саквояж, достал измерительные приборы, о чём-то подумал – и с выдержкой опытного специалиста заключил:

– Повреждений нет. Потеря сознания от нервного перенапряжения – и всё. Нам повезло, что у... – он сквозь окуляры ещё раз взглянул на девушку, – по внешности – знатной эйры, а по одежде – простолюдинки, сердце оказалось сильным. Больше мне сказать нечего. Решение за тобой, Горди.

После слов лекаря мне хотелось выпустить внутренних псов, которых я сдерживал, чтобы не мешать Ратису работать, и натравить их на Варда. Но... они так и остались на привязи.

– Как это понимать, Вард? Я чуть не убил человека, – лишь сдавленно прорычал я, глядя в невозмутимое лицо гла-

вы ордена.

– Угомонись, Эл, – подошёл он ко мне вплотную. – Сам не понимаю, что произошло. Не слепой, тоже вижу, что это не парень. Но компас никогда не ошибался, понимаешь? На моей памяти такое впервые: Страж – девушка и... не раскрывшиеся до конца крылья. Надо успокоиться и проверить всю её подноготную – с самого рождения. Отправлю ребят в архив, может, подобное было в прошлом. Хотя...

– Что с ней собираешься делать? – Можно подумать, меня волновала её дальнейшая судьба. Не разбилась – и ладно.

– Не я, Элай... Ты, – этот человек, как всегда, невозмутим. Мастер ставить людей перед фактом.

– Нет, Горди, ошибаешься. Теперь это твоя проблема. Моя служба окончена сегодняшней датой.

– Она – несостоявшийся Страж. Инициация сорвалась: крылья до конца не раскрылись. Обряд нужно совершить повторно.

– Я здесь при чём? Назначь другого, – не отступал я, сопротивляясь, хотя знал, что проиграл.

– Элай... не заставляй меня повторять свод правил.

Я прекрасно всё помнил. Были случаи сорванных инициаций – по разным причинам. Решались они быстро и без последствий. Мне однажды «посчастливилось» побывать на таком представлении.

Один из кандидатов оказался слишком крепким парнем. Его скинули, но он каким-то чудом умудрился ухватиться за

выступ и подтянуться обратно. Ловцу пришлось несладко. Ни уговоры, ни знатная драка не заставили несостоявшегося Стража прыгнуть вновь. Вот тогда остальные Ловцы пришли на помощь – после получения красного сигнала на связник. Парня скрутили и выкинули «за»... Через несколько мгновений в небо взлетела «новая птичка».

У меня таких провалов не было – если бы не эта лежащая на земле девица.

Сквозь мысли настойчиво пробивался голос Варда: он всё-таки решил повторить заученные постулаты:

– «...Инициацию начинает и заканчивает Ловец в единственном лице, без посредников, так как Страж и Ловец энергетически сплетены. Ловец несёт полную ответственность за прохождение инициации Стражем...»

Стром стоял рядом и кивал, словно пытался попасть в ритм мелодии.

«Хм... Спелись...»

От чеканки правил воздух в лёгких Горди закончился, и он осипшим голосом продолжил своими словами:

– Элай, эти правила не просто так придумали. Я не знаю, чем это может обернуться для вас двоих. Никто с подобным не сталкивался. Но я найду ответ. Обещаю. Закончи дело – и я со спокойной душой сниму с тебя печать Ловца. Валяй на все четыре стороны. А пока...

– Можно скинуть сегодня вечером. За день немного оклемается, а позже «взлетит», – предложил я.

– Протестую! – раздался голос Ратиса. – Она не выдержит второго раза. Только через месяц, лучше – три, при полном восстановлении психоэмоционального равновесия.

Как же хотелось скрутить шею этому длинному лекарю! В очередной раз военная выдержка не позволила совершить мне необдуманную глупость.

– И, Элай... – почти шёпотом произнёс Горди, словно нас могли услышать, – пусть она поживёт у тебя.

Только этого мне ещё не хватало!

– Несколько недель назад я встретил Деберга. Ты в курсе, чем он занимается? – Я кивнул в ответ. – У них серия убийств: кто-то скидывает девчонок с высоты. Не удивлюсь, если эта инициация и гибель тех несчастных как-то связаны между собой. Есть вероятность, что это может быть кто-то из Ловцов. Мы не знаем, в чём её феномен. Не нужно лишний раз рисковать ни тобой, ни ей. Вот, держи.

Он протянул мне вчетверо сложенный лист. Бумага оказалась старой – на такой сейчас уже никто не печатал. С картинки на меня смотрела девушка, похожая на древнюю богиню, с раскрытыми за спиной крыльями. У подножия её голых стоп виднелась затёртая надпись: «Новоявленная».

Всё интереснее и интереснее. Только этого и не хватало.

Почувствовал себя словно обманутый мошенниками – и захохотал в полный голос.

– М-да, ловко ты со мной обошёлся, Вард. Так и скажи, что не хотел отпустить меня со службы.

– Так сложилась ситуация, Эл. Извини.

Толкнул плечом своего наставника и подошёл к лежащему на земле «подбитому птенцу». Подхватил на руки бесчувственное тело, укутанное в плащ, и отправился в сторону моторона.

– Подожди, Эл, – окликнул меня Стром, приближаясь непозволительно близко. Засунул склянки с микстурами в карманы моих штанов. – Пить согласно инструкции, – и отступил.

Стиснув зубы, стерпел. Его счастье, что руки оказались занятыми – а то уважаемый лекарь ушёл бы домой без передних зубов.

Завёрнутая в плащ и невидимая для окружающих, бедовая девчонка оказалась невесомой. Со стороны можно было подумать, что я бережно несу в руках отстиранный и отутюженный предмет одежды из ближайшей прачечной.

Почувствовал, как её тело напряглось.

Очнулась.

За несколько шагов до моторона она начала дёргаться и вырываться, как глупый зверёныш, попавший в ловушку.

– Успокойся, – сжал её крепче. – И не брыкайся, пока не сделал хуже.

Она притихла.

Раздражение плескалось внутри, ища любую возможность вырваться наружу. Если она завопит, я точно сверну ей шею. Не получилось с лекарем – получится с ней.

Небрежно сбросил ношу на переднее сиденье, сам упал на водительское место рядом. Вставлял ключ в моторон короткими рваными движениями, словно он обжигал мне пальцы. Педаль – до упора. Сосредоточенно смотрю на дорогу. Мчусь со значительным превышением скорости, в желании побороться с попутным ветром – кто кого обгонит.

Домой ехать не хотелось, тем более с навязанной мне девицей. Кружил по городским улицам, отдавая в жертву всепоглощающей скорости свой гнев и тревожные мысли.

Боковым зрением заметил шевеление. Повернул голову в её сторону. Почему-то захотелось рассмотреть эту непутёвую эйру – или простолюдинку, как сказал Стром, – ту, которая доставила мне неожиданный ворох проблем.

Она напомнила мне слепого землеройца, который, выползая из своей норы, озирается по сторонам, боясь угодить в лапы безжалостного зверя. Девчонка высунула нос из-под края плаща и отвернулась в сторону серебристого окна моторона. В отражении стекла мне было видно, как она всматривается в мелькающие проспекты, в надежде запомнить дорогу.

Огни и яркая иллюминация центральных районов сменились тёмными улицами окраинных частей города. Редко попадающиеся фонари уныло светили, осознавая всю свою беспомощность перед всепоглощающим мраком надвигающейся ночи. А я не заметил, как пролетел целый день, которого так ждал.

Шмыгнув носом, она вдруг произнесла:

– Я не понимаю, куда вы всё время меня везли, но надеюсь, что не сделаете ничего плохого? Вы ведь служитель закона?

Она говорила взволнованно, но голос оказался приятным – без высоких истеричных звуков.

– Не для того я тебя спасал, чтобы сделать плохо. Служитель закона? В общем, да, – раздражённо бросил я, всматриваясь в дорогу, где гуляли светлые лучи фар.

– Это вы меня спасли? – не дождавшись моего ответа, продолжила она. – А того... кто меня скинул... его поймали?

– Нет, – искоса, на мгновение взглянул на неё.

– Жаль. Тогда отвезите меня, пожалуйста, домой. И... благодарю за спасение.

– Не отвезу, – этот разговор начинал меня порядком раздражать. Ещё не хватало женских слёз и горестных стенаний.

– Почему?! – возмущённым полушёпотом возразила она.

– Некоторое время поживёшь у меня.

– Я вас не знаю, и мне непонятно, что значит «некоторое время поживёшь у меня». Я хочу жить у себя.

– Хватит. Это не обсуждается – ради твоего же блага. Будешь сопротивляться – произойдёт плохое. Хочешь, чтобы тебя опять кто-нибудь сбросил, а? Давай, беги.

Она молчала.

– Может, он уже весь Димерстоун перевернул, чтобы тебя найти и выкинуть снова. Хочешь проверить?

Совсем съехал с катушек. Везу домой незнакомую девицу – и ещё запугиваю.

Она смотрела на меня огромными от потрясения глазами. Остального лица я не разглядел – оно так и осталось спря-
танным под полами плаща.

– Кстати, мы приехали.

Как истинный эйр, открыл дверь с её стороны. Она не то-
ропилась. Вышла нехотя. Плащ остался на сиденье. Отвер-
нулась в сторону, чтобы не встречаться со мной взглядом.

– Следуй за мной, – и хлопнул дверью моторона.

Глава 5. Дом, милый дом

Холод проникал до самых костей. От запаха сырой земли подкатывала тошнота. Мелкие камни, как тысячи игл, болью впивались в тело. Я не могла пошевелиться: ни открыть глаза, ни произнести ни слова. Единственное, что оставалось, – это слышать.

Незнакомые мужские голоса доносились откуда-то с высоты. Я поняла, что один из них – лекарь. А двое других напряжённо разговаривали. И это пугало. Мне не ясен был смысл сказанного: какой-то Ловец должен приглядеть за какой-то девчонкой, до тех пор, «пока всё не уляжется».

Неожиданно чьи-то сильные руки подхватили меня с земли и крепко прижали к груди. Человек куда-то шёл. И чем дальше, тем теплее мне становилось. Окончательно согревшись, я почувствовала прилив силы – и то, что могу шевелить ногами, руками.

«Успокойся и не брыкайся, пока не сделал хуже», – прозвучало над головой низким, уже знакомым голосом, который принадлежал тому самому незнакомому Ловцу.

Тело вновь сковал страх.

Меня небрежно куда-то запихнули. Когда вокруг всё завибрировало и загудело, я поняла, что нахожусь в мотороне. Ехали долго и молча.

Сквозь узкую щель плаща, в который меня укутали, я смотрела в окно. До последнего надеялась запомнить дорогу. Незнание меня убивало...

– Я не понимаю, куда вы всё время меня везёте, но надеюсь, что не сделаете ничего плохого? Вы ведь служитель закона? – вырвалось у меня.

Он на меня не смотрел. Отвечал сухо, словно нехотя, но чувствовалось напряжение. Из его слов я узнала, что я – та самая девчонка, за которой нужно «присмотреть». И человек с башни захочет меня непременно найти и закончить начатое.

Последнее сказанное ударило наотмашь. Я во все глаза уставилась на Ловца, не веря в то, что это правда.

Он смотрел на меня спокойно и пронзительно, с оттенком усталости во взгляде.

Мои сомнения отпали, как последний жёлтый лист.

Вечерние сумерки укутали город, и мы оказались в тупиковом переулке возле старого дома. Дверь капризно скрипнула. Внутри было темно и пахло пылью. Ловец взял меня за руку:

– Иди точно за мной.

Я не возражала.

Он первым вошёл в полумрачный кабинет, нырнул в него, словно дикий зверь в нору, знающий все потаённые уголки своего убежища. Я медленно плёлась за ним – отчаявшаяся жертва, признающая силу хищника, у которой не осталось

жизненной силы: ни к сопротивлению, ни к атаке.

Ловец скинул с плеч куртку и на ходу швырнул её на стоящий возле стены диван; дошёл до кожаного кресла с высокой спинкой и вальяжно уселся в него, скрестив руки на груди.

– Как тебя зовут? – нарушил затянувшееся молчание мужчина, выбрасывая меня вопросом из полуяви в реальный мир.

Общение с людьми мне давалось легко. Матушка Светлана говорила, что у меня особый талант вдохновлять людей на благостные поступки. Но человек, сидящий в кресле, выбивал почву из-под ног.

В эту минуту я растеряла весь свой талант и пробормотала себе под нос:

– Ив, – не поднимая глаз, ответила я, разглядывая замысловатый орнамент на старинном, местами вытертом паркете.

В этот момент я почувствовала себя жалкой, никчёмной, трусливой маленькой девчонкой, которая не могла дать сдачи старшекласснику-верзиле, цепенея от страха. Хотелось исчезнуть, убежать в параллельные миры – если они, конечно, есть, – обернуться невидимой птицей и улететь, но не оставаться с Ловцом наедине.

В голове пронеслась строчка из одной старой песни: «Беги, детка, беги!»

Интересно, почему его зовут «Ловец»?

– А точнее? – начал раздражаться он. – Я должен знать, кого впускаю в свой дом и с кем проведу под одной крышей

целый месяц.

Что?! Это он впускает меня в свою старую халупу?! Слышишь?.. Я... пострадавшее лицо! Никто меня не спрашивал!

Мысли крушили мой разум на маленькие кусочки, создавая вихрь хаоса и неразберихи в голове. Но вслух я ничего не сказала.

Трусиха! Ненавижу себя за это.

Сесть мне никто не предложил. Боль в спине не давала мне покоя. Я опёрлась боком о стену возле резной массивной двери, вскинула голову и встретилась взглядом с этим... Хм, не нашлось слов.

– Ив... Ива... Ивана Стужева... Так устроит? – издевательским тоном ответила я и демонстративно сложила руки, отражая его позу.

– Устроит, – приподнял бровь, продолжая пристально меня разглядывать. – Необычное имя.

Многим оно казалось диковинным, вычурным, чудным, но никогда не оставляло равнодушным; придавало мне своеобразное очарование и чуточку уникальности. Для девочки из пансиона это было важно – когда у тебя нет ничего, остаётся только имя.

Один мой приятель как-то обмолвился:

– Ив, у тебя сказочное имя, звучит, словно ты княжна из затерянного мира.

Это вызвало в моей юношеской душе небывалый восторг и ощущение чуда. У меня сказочное имя – Ивана Стужева!

– Да... Для этих мест моё имя звучит странно, – продолжила я стоять, убрав руки за спину. Напряжение от всего пережитого за этот день не отпускало, внутренняя дрожь продолжала волнообразно тревожить тело.

– Сядь уже, – сдавленно процедил он и указал пальцем на диван. – Не стой, как наказанная.

Он взглянул на меня, как удав на грызуна: резкое движение – и меня нет. Я села на указанное место, на самый край. В стрессовых ситуациях у меня всегда мёрзли руки, и я неосознанно их растирала, мысленно отстраняясь от происходящего, погружаясь в глубокие слои апатии. Всё моё внимание сосредоточилось на холодных пальцах. Разглядывать убранство в полумраке не было ни сил, ни желания.

– Откуда ты? – возвращая меня в реальность, продолжил Ловец.

– Из Залькрайна, – полушёпотом, нехотя ответила я, выражая неестественное спокойствие. – Из пансиона Святой Стефании, выпустилась в этом году.

– Кто родители? Знала их? – не унимался он.

Какой сложный вопрос для меня. Сколько раз задавала его себе. Он болью проходил через солнечное сплетение, прямо в область сердца. Никто меня не искал, на матушкины запросы никто не отвечал – словно меня никогда не было.

Сколько раз я сама хотела найти на него ответ.

Кто моя несостоявшаяся мать? Не поющая мне колыбельных песен; не заплетающая мне косы; не собирающая на пер-

вое свидание; не подарившая мне нежность и любовь.

Кто мой несостоявшийся отец? Не державший меня за маленькую ладошку; не защитивший от соседнего мальчишки; не посмотревший сурово на моего первого парня; не подаривший мне надёжность и опору.

Кто мои не состоявшиеся родители?

– Нет, я их не знала, – голос мой дрогнул; в этот момент мне захотелось расплакаться от жалости к самой себе.

– Тогда откуда такое имя? – лениво встал с кресла, обошёл стол и уселся на его край.

– Долгая история, – сделала глубокий вдох и на выдохе прикрыла глаза.

– А мы не торопимся, – развернулся к резному стакану из зелёного камня с гравировкой в виде парящего в небе сокола и достал стоявшую в нём ручку.

– Меня нашли зимой, возле приюта. Матушка Светалина рассказывала, что в тот день стоял жуткий мороз. Она нашла меня возле хозяйственных ворот, возвращаясь из пекарни. Заметила корзину, а в ней небольшой свёрток. Если бы не матушка, мы бы с вами сейчас «мило» не беседовали.

С «мило», я, конечно, погорячилась.

Вспомнила, как Матушка рассказывала эту историю, и в груди потеплело. Она всегда благоговейно закатывала глаза и приподнимала ладони к небу, обозначая таким образом, что это для неё – дар небес.

Скучаю по ней... Скучаю по нашим посиделкам... и по

её морщинистым тёплым рукам, которыми она перебирала пряди моих длинных волос, когда рассказывала свои завораживающие истории на ночь.

– Когда свёрток развернули, вы, наверное, уже догадались, – глянула на него с грустной ухмылкой, – нашли меня.

– Дальше.

– Текст записки, которая была при мне, расплылся от растаявшего снега. В ней сохранилась только дата моего рождения, а имя, к сожалению, нет. Может, меня звали Натали, Кейт, а может, Эммой? Настоящее уже не узнать...

Он слушал внимательно, хмурился, крутил в пальцах ручку. Я наблюдала, заморожённая этим действием, и продолжила свой рассказ:

– Матушка даровала мне новое имя... Не могли бы вы угостить меня чаем? Не могу согреться, мёрзнут руки, – не ожидая от себя, протараторила я, раскрывая ладони.

Он замер, перевёл взгляд на мои руки и несколько секунд удерживал его, затем резко оттолкнулся, бросил небрежно ручку на стол и молча вышел из кабинета.

Я осталась сидеть на диване. Рядом со мной по-прежнему валялась потёртая куртка Ловца. Откинулась на спинку, давая телу немного расслабиться – особенно спине – и погрузилась в собственные раздумья.

События сегодняшнего дня кадрами кинофильма всплывали в моей голове: удар в грудь... падение... боль... и си-не-серые глаза. Больше ничего не помнила. Круговерть тре-

возможных мыслей не унималась, не желая мириться с новой для меня реальностью. И снова по-новому: удар... падение... боль... мгла... и сине-серые глаза.

Что будет дальше? И почему должна жить здесь?

Взгляд блуждал по старинному кабинету, выхватывая детали интерьера, погружённые в полумрак. Сфера мира с материками и континентами, удерживаемая на подставке в виде ладоней с надписью «Мир в моих руках». А мастер, создавший сферу, был весьма весёлым человеком.

Светильник на стене в форме трёхлистной королевской лилии проливал тусклый свет на портрет седовласого мужчины с «острым» взглядом, от которого невозможно спрятаться в пределах этого пространства. Он словно подтверждал статус: «Хозяин кабинета – я».

Ловец появился спустя треть часа, неся в руках красный поднос, который совершенно не вписывался в стиль окружающей обстановки. На нём стоял пузатый фарфоровый заварник цвета слоновой кости с трещиной на крышке, две чашки с розочками на боку и металлическая конфетница с россыпью цветной карамели.

«М-да, всё-таки brutальные мужчины с подносами в руках выглядят нелепо», – мелькнуло у меня в голове.

Он шагал осторожно, удерживая свою ношу. Медленно прошёл мимо меня и бросил через плечо:

– Нечего на меня так глазеть, горничных и служанок в доме не держим. Хочешь чай – двигайся к столу. Стул захвати

возле шкафа.

Ничего не сказав в ответ, я встала и придвинула стул к столу из указанного места. Села на свободное место, сложив ладони между коленей в надежде согреть.

Он поставил поднос на край стола, сдвинул лежащие на нём бумаги в угол, убрал брошенную ручку в стакан и разлил горячий чай по чашкам – одну поставил напротив меня.

Я потянулась за «теплом».

– Постой, – остановил он коротким словом и стремительно оказался возле дивана, где лежала его куртка. Из кармана вынул два маленьких флакончика. – Та-а-а-к... Это обезболивающее, – две капли микстуры упали в мою кружку. – Это у нас, – прочитал, прищурившись, – успокоительное, – одна чайная ложка утонула в моём чае.

Затем кивнул головой, как бы говоря: «Угощайся». Обратно в кресло не сел. Со своей чашкой в руке он спокойно ходил из угла в угол, напоминая древнего философа:

– Ну что, закончим погружение в твои тайны?

– Нет никаких тайн. Что знаю, то и рассказываю, – обхватила чашку двумя руками и вдохнула...

Ароматный чай, как спасительная сыворотка от всех невзгод и жизненных неприятностей... Первый глоток – и я замерла от удовольствия. А может, от микстур. Сейчас уже не важно.

– Может, скажешь, как тебя зовут? – на «вы» обращаться к нему не стала, копируя умышленно его пренебрежительную

манеру общения.

Не знаю, откуда взялась смелость. Возможно, это целебное свойство моего чая? Хм...

Он остановился, развернулся ко мне всем корпусом. Чашка в его руке казалась маленькой экзотической птичкой на огромном дереве.

– Элай. Для друзей и близких – Эл, но в этот круг ты неходишь, поэтому для тебя – первый вариант. Расскажи про Светалину, откуда она? – и сделал глоток.

«Не Светалина, а Матушка Светалина», – мысленно поправила я. Для некоторых невеж и зазнавшихся «как бы» аристократов – судя по пыльной галерее портретов знатных мужчин и женщин в древних нарядах, сопровождавших нас весь путь до кабинета. И если взять от каждого по маленькой чёрточке, сложится образ моего нового знакомого. Ловец действительно был знатным эйром, хотя выглядел как обычный простолюдин.

– Она прибыла на службу в наш пансион из Снежных земель. Как говорила Матушка: «Где дует холодный ветер и стоят жуткие морозы». О себе она никогда особо не рассказывала. Кстати, моя фамилия – Стужева – означает холод и мороз, а имя – Ивана – дарованная Богом. Такими именами нарекали жителей тех земель, откуда она родом. Люди эти обладали добрым нравом и отменным здоровьем. Матушка верит, что имя наградило меня этими качествами. Я тоже верю. Удивительное имя, не правда ли?

Он посмотрел на меня исподлобья и хмыкнул:

– Дарованный богом, мороз. Смешно, – жуя с хрустом очередную карамель.

От возмущения я разлетелась вдребезги, как старое зеркало.

– Смешно, когда... – договорить я не успела: трель дверного звонка прервала мою несостоявшуюся гневную тираду.

Звонок в дверь хлёсткой пощёчиной собрал все мои чувства воедино и позволил осознать, что в этом доме, кроме нас двоих, может жить ещё кто-то. Жена? Мать? Отец? Близкий друг, подруга?

Я поставила чашку на стол, пригладила растрёпанные волосы, убрала непослушные пряди назад, выпрямила спину. Стелла Чарити осталась бы мной довольна. Наставница по хорошим манерам любила говорить нам, вечно растрёпанным ученицам:

– Девушка, даже в луже грязи, должна выглядеть достойно и очаровательно.

То, что я нахожусь в луже, – очевидно. Только не понятно, в какой. «Достойно и очаровательно» зависит от ситуации, а они бывают порой очень непредсказуемы.

– В этом доме ещё кто-то живёт? – спросила я, мысленно взмолилась: «Кивни головой, скажи, что „да“. Легче будет всем».

– Живёт, – ответил он.

Это прекрасная новость. Можно выдохнуть. Значит, ему

есть с кем «болтать по пустякам».

– Жена? – спросила так, будто мне сейчас раскроют все тайны вселенной. Он лукаво прищурился, оценивая мою реакцию.

– А... – продолжила я, но мне не дали договорить.

– Грызть летучая, – бросил он.

– Что?! Вы... серьёзно?

– Вполне.

– Может, перестанете... нет, перестанешь держать меня за... за идиотку, – вскочила со стула и вскинула в его сторону указательный палец.

– Может, и перестану. Не сейчас. Оставайся в кабинете, – сказал он и вышел.

Звонок в дверь раздался повторно.

Я осталась стоять.

Одно поняла точно: в этом запущенном доме жить мне будет непросто.

Каждый день жизнь в пансионе преподносила маленькой девочке новые испытания и уроки, заставляя делать правильный выбор и принимать непростые решения. Своё умение «сглаживать острые углы» я оттачивала в конфликтных ситуациях, как военный в полевых условиях, – используя всю науку стратегии и тактики. Но все мои познания рядом с Ловцом рассыпались в пыль.

Вернулся знатный эйр довольно быстро. Уверенно прошёл мимо меня к столу, держа в руках пакет из плотной се-

рой бумаги, на котором красовался красный знак – похожий на огромную печать – с надписью «Лапшичная хенга Сотхи».

«Еда? Заказал еду?!»

Всё это время я рисовала образы жены, друзей, родственников. Представляла, как жить дальше, если они такие же – психованные.

А он... просто... заказал еду.

– Стужева, не стойте ледяной фигурой, а то заморозите ненароком. Подходите, будем ужинать.

Я к нему на «ты», он решил ко мне на «вы» – как-то поздно.

На пакете красовался жёлтый чек с именем заказчика: «эйр Э. Баркли». Значит, у Ловца полное имя – Элай Баркли. «Неужели... Не-е... Не может быть».

После незаконченной «чайной церемонии» на столе разместились две красные коробочки с тем же фирменным знаком лапшичной, только белого цвета, две пары палочек для еды и печеньки-предсказательницы – в том же количестве.

Особо не утруждаясь манерами высшего общества, Баркли взял свой ужин и плюхнулся с ним в кресло. И... невероятный запах специй, исходивший от еды, окутал кабинет ароматным облаком, обеспечив мне лёгкое головокружение и голодный обморок на подходе.

Не выдержала – как дикая зверушка схватила свою добычу и переместилась на диван, увеличивая между нами расстояние. Сидеть рядом с ним за одним столом совершенно

не хотелось.

Этот хенг Сотхи, несомненно, знал тайну приготовления самой вкусной лапши на свете: слегка обжаренные свежие овощи, нежные морские каракатицы, лапша – всё утопало в густом перечно-сладком соусе. Подхватила палочками... и зверушка заурчала от удовольствия.

Моя коробочка быстро осталась пустой и переместилась на маленький журнальный столик возле дивана.

– И когда вы успели сделать заказ?

– Когда ходил за чаем.

– Удивительно быстро готовят.

– Нет ничего удивительного. Я их постоянный клиент. Каждый день доставляют мне ужин. Хорошо знают мои предпочтения и вкусы.

«Значит, не женат», – мелькнуло у меня.

– Ещё вопрос. Я многого не помню из прошедшего сегодня со мной. Может, вы видели и что-нибудь знаете?

– На сегодня хватит бесед. Пора спать. Поговорим завтра.

Откусил печеньку, ленточку с предсказанием выкинул в плетёную мусорную корзину, даже не прочитав. Встал из-за стола, подошёл и протянул вторую мне. Взяла, но есть не стала – машинально сунула в карман.

– Пойдём, покажу твоё новое жильё.

Мы шагнули в коридор с тусклыми светильниками на стенах. Далеко не ушли: комната оказалась недалеко – всего в трёх шагах.

– Почему везде так темно?

– Дом ветхий, проводка старая, постоянно замыкает. Завтра покажу помещения, где не так опасно.

Он первым вошёл в комнату, зажёл свет и обернулся ко мне:

– Заходи. Она твоя на целый месяц.

«Это мы ещё посмотрим. Убежать никогда не поздно», – подумала я.

Словно прочитав мои мысли, он склонил голову набок и устало, почти шёпотом произнёс:

– Бежать не советую.

Осторожно перешагнула через порог.

Моё внимание привлекло большое окно, которое одновременно являлось и выходом на балкон. Невесомый тюль вздыхал от лёгких сквозняков и казался живым. В небольшой нише разместилась кровать, рядом – дверь, видимо, в купальную комнату. Повсюду на стенах развешаны рамки с обрывками путеводных карт и небесных светил. Явно читался мужской стиль. Но в сложившейся ситуации внимательно разглядывать обстановку было неловко. «Рассмотрю позже», – решила я.

Комната оказалась уютной... и обжитой.

– Чья она?

– Моя. Хочешь спать – спи, если нет – то несколько книг есть в прикроватной тумбочке. В общем, располагайся и осматривайся.

И пошёл.

Внутреннее смятение и страх в очередной раз одолели меня: одна, в чужом доме.

– Стойте! Не уходите! Где будете вы... ты?

Он облокотился о косяк входной двери, устало потёр глаза:

– В комнате напротив. Если что – стучи. И да, грызь летучая живёт на чердаке, бояться не стоит.

Развернулся и вышел, закрыв за собой дверь.

Я никогда не жила одна. В приютских безликих помещениях меня всегда кто-то окружал: подружки-пансионерки, сёстры монастыря, учителя. Понятия не имела, что такое «жить одной». У меня не было своего отдельного закутка, даже маленькой норки. Зато имелось тайное место, где я любила побыть в одиночестве – наедине со своими мыслями, а после снова возвращалась в общие классы и спальни.

После выпуска нам, приютским, предоставляли жильё за счёт императорского фонда в поддержку сирот – временное, пока не окрепнем.

Мне странно и непривычно ощущать себя одной... а ещё – страшно. Моя жизнь совершила скачок и полетела в неизвестность – возможно, и в прямом смысле.

«Трусиха – трусихой, но в неизвестность лучше лететь с чистой головой», – подумала я и с этой мыслью отправилась в купальную.

Резво скинула ботинки у дверей, босыми ногами ступила

на пол, выложенный белоснежными изразцами. Быстро разделась, бросила одежду на пуфик и устремилась к помывальной чаше с изящно изогнутым душем.

На полочке нашёлся бутылёк с мужским ароматным мылом. Провела по нему пальцем, читая жизнеутверждающее название: «Покоряй вершины». «Вероятно, это мыло... Ловца», – подумала я. За неимением другого моя голова не прочь благоухать «вершинами».

Торопливо повернула кран. Капли мягко ударили мне в лицо, спускаясь ниже, оплетая тело серебристыми нитями, захватывая в водный плен. Словно одержимая, смывала сегодняшний день – а возможно, и прошлую жизнь. Струи горячей воды уносили безвозвратно прочь всё, что было.

Стопка чистых, аккуратно сложенных полотенец обнаружилась в шкафчике туалетного столика с большим круглым зеркалом в плетёной оправе. Развернула полотенце – а там веточка горной лаванды. В местных прачечных её клали для придания белью свежего аромата горных лугов. Незатейливый цветочек, а столько радости в душе!

Зеркало затянуло испариной. Хотела смахнуть капельки, но вместо этого нарисовала смешную рожицу и показала ей язык. Настроение явно улучшилось. Не отыскав расчёски, пальцами попыталась расправить светлые длинные волосы – безуспешно.

«М-да, завтра утром точно будет гнездо на голове», – подумала я.

Влажная прядка кольцами обвела палец и приятно пахла мужским мылом, в котором гармонично сочетались горькая полынь, дикий вереск и свежесть полевой мяты.

Крутить тюрбан из волос и полотенца оказалось болезненным занятием – спину неприятно тянуло.

– Да что же там такое? – развернулась к зеркалу.

Обомлела: правую часть спины почти полностью покрывал огромный кровоподтёк. Меня повело, оперлась руками о стену. Мысли вновь, контрапунктом, запрыгали в голове, возвращаясь к случившемуся утром. «Я должна узнать, что со мной произошло. Ловец должен всё рассказать. Сегодня».

Схватила висящий в углу мужской халат и помчалась разъярённой фурией в комнату соседа.

Быстрым шагом, почти бегом, направилась к двери «напротив». Не успела притормозить – она резко открылась.

Видимо, фурия слишком громко топала.

Потеряв равновесие, полетела в тёмную бездну, беспомощно хватая руками воздух и стремительно приближаясь к паркету.

– А-ай!

– Ивана Стужева, мне так и придётся постоянно вас ловить? – обречённо простонал эйр Баркли, резко хватая меня за воротник халата и ставя на ноги.

Ощутила опору под ногами – и мой нос уткнулся в обнажённый торс...

«Вот ползучие тараканы, я попала!»

– Не надо меня ловить, вас никто не просил, – на дрожащих ногах попятилась назад, заодно поправляя съехавший на бок тюрбан. – Хотела задать вопрос.

– Какой ещё вопрос?

– Что со мной сегодня произошло и откуда у меня на спине вот такой синяк? – помаячила перед его лицом руками, обрисовывая масштабы моих телесных повреждений.

– Это два вопроса. На которые я отвечу завтра, – поймал меня за руку и потащил в направлении моего нового убежища.

– Сегодня! – запищала, упираясь ногами в пол. Но не тут-то было: что может тощая невесомая девчонка против крепкого высокого эйра? – Хватит! Что ты себе позволяешь... Недоумок! Отпусти немедленно, знатный... хмырь!

Резкий рывок – и я плотно прижата к мужскому телу. Мокрое полотенце упало на пол, влажные пряди волос рассыпались по плечам. Сильные пальцы приподняли мой подбородок вверх. И так близко – его дыхание на моём лице.

Тяжёлый, гипнотизирующий взгляд лишал возможности двигаться. Он, как похититель душ, медленно воровал мою, выпивая её тонкой струйкой.

Скованная ужасом, я перестала дышать.

– Ты! – вспылил он. – Глупая и дурная! Никогда, слышишь? Никогда не бросайся грубыми словами в тех, кто сильнее. Кого совсем не знаешь. Твоя ругань дворовой девки смешна и наивна, но может закончиться для тебя плачевно.

Думай о последствиях, – зло прошипел и отпустил моё лицо.

Не шелохнулась. Не опустила голову. Заморозила взгляд на его серо-синих глазах, погружаясь в их холодную бездну, сохраняя молчаливое противостояние. Только слёзы-предатели катились и обжигали моё лицо, размывая линии окружающей действительности в матовое стекло.

Одна секунда... две... три... Слышу удары собственного сердца. Хочу исчезнуть, разлететься на мелкие частицы и раствориться в потоке воздушных волн. Я будто нахожусь под толщей воды: он что-то говорит, но я не понимаю. Его слова искажаются – различаю смысл только последней фразы:

– Приди в себя и возвращайся в свою комнату.

«Не хочу никуда идти», – пронеслось в голове.

Вырываю свою руку из крепкой хватки Ловца. Злость внутри закипает новой силой. Крепко сжимаю ладони в кулаки и обрушиваю мелким градом в крепкую грудь. Колочу его яростно, отчаянно, вкладывая всю свою боль и обиду.

– Стужева, успокойся! Хватит! – решительно обхватывает меня за плечи.

Не помогает. Неопределённость, страх, растерянность – вечные друзья неизвестности – рушили мои внутренние опоры. Эмоции срывались со скоростью горной реки, снося всё на своём пути. Теряю контроль, погружаясь в глубокую истерику – от тихих всхлипов до безудержного рыдания.

Щёку резко обожгло...

Не успела осознать, что произошло, как меня крепко прижали к себе, ограничивая мои действия к сопротивлению.

– Тихо. Дыши ровно.

Замерла в его объятиях, уткнувшись лицом в горячую грудь. Бушующий океан внутри меня затихал. Вдох... Выдох... Мир остановился... Молчание... Только дыхание друг друга говорило за нас.

«Мои мысли: я чертовски боюсь этого странного человека, хотя и пытаюсь быть нарочито смелой. И совершенно не знаю, как действовать дальше».

Тук... тук-тук... Сердце Ловца билось размеренно – под его стук я успокаивалась. Боюсь думать о том, что стою, плотно прижавшись к почти обнажённому мужчине, и вдыхаю аромат его тела. Нет, «вершинами» он не пах – ими паху я. А он... солёным морем.

Молча выпустил из объятий, обхватил ладонь – и мы снова шли в мою комнату.

Плелась за ним с отстранённым взглядом, абсолютно опустошённая и безразличная ко всему вокруг. Одним словом – умалишённая.

Ни проронив ни слова, дошёл до кровати и одним движением мягко уложил в постель, накрывая пуховым одеялом сверху. Тяжело выдохнул:

– Спи... глупая девочка. Ты устала. Поговорим завтра, – и вышел.

В чужом доме, в чужой постели. Мягкая мгла окутала

комнату. Сквозь окна тусклые блики уличных фонарей яркими пятнами выхватывали элементы интерьера на тёмном полотне ночи. Очередная попытка уснуть закончилась провалом – смятая постель тому свидетель. Мой сон окончательно где-то... заблудился.

Решительно встала с кровати и отправилась в купальную. При моём появлении светильники вспыхнули приглушённым сиянием: золотые огоньки отражались на белоснежных изразцах, создавая атмосферу таинственности. Холодная вода освежила уставшее лицо девушки, смотрящей на меня из зеркала грустными глазами.

Мои вещи небрежной копной валялись на пуфике. Так торопилась в душ, что все правила приличия забылись в миг. Взяла в руки кофту – и из кармана на пол выпала печенька-предсказательница. Она мелкими крошками разлетелась в стороны, только шёлковая ленточка, сложенная пружинкой, осталась лежать целой.

На городских ярмарках меня всегда впечатляло огромное количество желающих попасть на аттракционы с предсказаниями: каждый хотел получить ответ на свои потаённые желания, получить свою спасительную «печеньку-предсказательницу». Меня это всегда смешило – это всего лишь шутка, это игра.

На ощупь ленточка оказалась мягкой и приятной. Короткое выражение гласило: «Твой враг – друг».

«Друг – это всегда хорошо», – подумала я с этой мыслью

и отправилась спать. Ленточку спрятала под подушкой.

Глава 6. Не чайная церемония

Давно...

В этом захудалом доме не было ни одного живого существа, не считая меня и летучей Грызи. А женщин не было – вечность.

Она плелась позади: молчаливая, отрешённая, напуганная.

«Чёрт! Даже не знаю, что с ней делать. Ещё одна головная боль...»

Шли по тёмным коридорам – тусклые светильники на стенах указывали нужный путь. В кабинете было мрачно, но это единственное место в доме, куда можно пригласить гостей.

Скинул куртку на диван и плюхнулся в кресло. Всё-таки дед поставил его правильно: каждая точка комнаты попадала в поле зрения.

Девчонка дальше дверей не прошла. Опустила голову и молча разглядывала паркет.

«Не наглая – плюс в её пользу. На дух не переношу развязных девиц, с которыми возникают проблемы и которых нужно „ставить на место“».

Хотелось внимательно разглядеть её лицо, но она каждый раз отводила голову и опускала глаза, не желая встречаться взглядами. Уловил только бледность кожи и остроту скул.

«По мне – обычная девчонка, тощая, как подросток, в парнишечьей куртке и в широких штанах. На женщину, в полном смысле этого слова, не дотягивала».

Однако... Её волосы золотистыми волнами плавно стекали по спине до поясницы. Она по-детски поправляла пряди за ухо – и это движение рук завораживало. Поймал себя на мысли, что хочу потрогать светлый локон и ощутить его шелковистость.

«Стоп-стоп... Ещё раз стоп! – говорю себе мысленно. – Не смей даже думать в её сторону. Для тебя она, как и все женщины, – проклята. Над ней так же, как и над всеми, маячит знак „запрещено“».

Вирус по имени «Райлин» отравил в прошлом одного летателя и оставил кровоточащие язвы на измученном сердце.

Ив... Ива... Ивана Стужева... Так звали мою новую знакомую, которая сегодня утром не стала новым Стражем и не отправилась в Агилон.

Вскинула гордо голову и обожгла зеленью раскосых глаз. Тонкий аккуратный нос. Пухлые губы казались слишком яркими на бледном лице.

«Дикая, лесная нимфа», – пришла на ум мысль.

Девчонка оказалась с характером. Храбрилась, как маленький воробушек, и не понимала, что перед ней – сокол.

Блондинки не были моей слабостью. Холодные, невыразительные – слишком не по мне. Я любил брюнеток, особенно одну... Олицетворяющую огонь жизни и дикую страсть.

Но это было тогда...

Гостья не искрила броской красотой, но в ней что-то притягивало – что-то неуловимое, колдовское. Девушка-загадка со странным именем из холодной страны: «Ив... Ива... Ивана Стужева».

Жалкой Ив не казалась – растерянной, уставшей, да. Держалась отстранённо и мёрзла. Растирала пальцы. И гордилась своим нелепым именем – «Дарованная богом стужа».

Усмехнулся этому факту, но он тут же растаял, когда возник её образ – несколько часов назад. Бездыханное тело сломанной куклой парило в воздухе на одном крыле, в коконе синего эфира.

Я находился здесь, но мысленно – в том моменте. И меня накрыло... Пульс – двести ударов в минуту, холодный пот ручьём вдоль позвоночника...

– Не могли бы Вы угостить меня чаем? – её вопрос резко возвращает в действительность.

Выдыхаю. «Всё в порядке...»

Законы гостеприимства давно не для меня. Плевать на хороший тон и манеры. Я уже не эйр, а простой парень из тайного ордена Ловцов.

Глядя на неё – замёрзшую, с растрёпанными волосами и печалью в глазах, – где-то глубоко в душе зашевелилась совесть.

Отправился на кухню. Та встретила гробовым безмолвием – а когда-то была ритмично бьющимся сердцем этого в

прошлом светлого и уютного дома.

Чайный котёл, потускневший со временем, сиротливо стоял на плите.

Внутренний хронометр отсчитал время вспять. Реальность стёрлась.

Я – десятилетняя мальчишка – смотрю на собственное отражение в начищенном до блеска этом же самом котле, пыхтящем паром от кипящей воды.

Слышится забористый хохот кухарки Рут. Вижу, как испачканная мукой ловкими движениями катает из пышного теста самые вкусные в округе бриоши. Лучи солнца пробиваются сквозь ажурные занавески – и мучное облако светится золотистыми крупинками.

В углу у окна – резной буфет, где хранится карамель в цветных фантиках. Дальняя полка с расставленными аккуратно в один ряд жестяными банками со специями. Говорили, что были даже ядовитые – которые мой дед привозил из путешествий вместе с редкими рецептами блюд, куда специи использовали с микроскопической точностью.

Сковороды, развешанные на стенах как мишени в тире – от самой большой до маленькой, – переливались медными бликами. Мелкая кухонная утварь в глиняных горшках, расставленная по шкафам. И, конечно же, душа кухни – огромный потёртый дубовый стол, видевший несколько поколений нашей семьи.

В этом доме всегда с пиететом относились к старым ве-

щам. Дед говорил: «Сегодня таких не делают!» Он собирал их в экспедициях, в поездках по малым селениям, где ещё сохранились образцы старины с почерком неизвестного мастера.

Это было давно... Не знающий боли и предательства, я был счастлив и беззаботен – мальчик, мечтающий стать летателем и покорить весь мир.

Сейчас – одинокий на заброшенной кухне... Кругом пыль. Паутина лохмотьями свисает в углах. Угрюмое запустение и одиночество.

Поток воспоминаний остановил пронзительный визг кипящего чайного котла. Отыскался фарфоровый пузатый красавец – заварник. Жаль, что по крышке пробежалась мелкая сеточка трещин. Нашлись чайные пары – когда-то оставленные заботливой хозяйкой.

Шёлковые пакетики с разнотравьем хранились в специях. Залитые кипятком в заварнике, окутали пространство кухни медово-пряным ароматом. Цветная карамель оказалась там же, куда прятала её веселушка Рут.

Помимо сладостей больше ничего съестного не отыскалось, а моя гостья явно страдала от голода. Учитывая, что Ива сегодня пережила – хотя и не помнила об этом – плотный ужин ей не помешал бы.

Старый фоноговоритель с огромным цифронабирателем висел в углу. Дед установил их в количестве пяти штук в важных местах дома. Кухня была одним из них.

– Привет, Сотхи! Подскажи, друг, что предпочитают нынче девушки?... Перестань... Это не то, что ты думаешь... Ещё слово – и ты потеряешь постоянного клиента... В общем, мне как обычно, для девчонки – морепродукты. Жду!

На столе валялась красная пластина, похожая на какую-то подставку. Не видел её раньше. «Хм, подойдёт для подноса».

Составил чайные принадлежности и отправился обратно по тёмным коридорам. Споткнулся о невидимые предметы в полумраке, выругался несколько раз, но всё-таки добрался до нужного места без потерь. Чашки и заварник в целостности и сохранности остались стоять на подносе.

Горячий напиток явно пошёл ей на пользу. На бледных щеках заиграл румянец.

Только сейчас обратил внимание, насколько у неё красивые, тонкие и длинные пальцы, которыми она крепко сжимала чашку, пытаясь согреть. Не знаю, какой букет растений входил в состав чая – может, трава-храбрец, – но девчонка осмелела.

«Может, виноваты микстуры?»

С вызовом спросила моё имя – причём обратилась ко мне на «ты». Это рассмешило, но я не подал вида.

«Пусть лучше остерегается и не задаёт лишних вопросов».

Ответил сухо, сдержанно, обозначил границы дозволенного – так будет лучше для неё.

Вздрогнула от звука дверного звонка.

«Почему женщины думают, что этому миру есть дело до того, как они выглядят?»

И девчонка Стужева туда же – начала прихорашиваться. Убрала растрёпанные пряди за ухо и подтянула спину, демонстрируя осанку аристократки. Ей хотелось нравиться.

«Лучше бы носила нормальную женскую одежду – тогда бы никто с башни не скинул».

Вопрос о жене поставил меня в тупик и тонкой иглой кольнул в сердце.

Отличный повод поставить на место глупенькую эйру – хотя какая она эйра.

Когда сказал, что в этом доме со мной живёт Грызть летучая, на неё было забавно смотреть. Поджала губы и возмущённо запыхтела.

Она осталась стоять в смятённых чувствах – я вышел, чтобы открыть дверь.

Когда вернулся в кабинет с пакетами еды, в её глазах читалась досада и разочарование.

От ароматной лапши она не отказалась, но за один стол со мной не села. Ушла в другой конец комнаты, расположилась на краю дивана. Ела медленно, с наслаждением, временами прикрывая глаза от удовольствия.

На секунду замер. Всё-таки приятно смотреть на то, как женщина ест – даже такая несуразная, в этом парнишечьем облике.

Печенье с предсказаниями сладкой парочкой валялось на

столе и раздражало. Сколько раз просил Сотхи не класть в мой заказ!

«Вот упрямец...»

Может, не хотел обидеть свою старую тётку, которая пекла печенье с миндальной крошкой и мёдом. Всем видом лунолика Кюрен, с седыми волосами, заплетёнными в две косы, напоминала ведьму – серо-блёклые глаза смотрели куда-то вдаль, а губы вечно что-то шептали. Много раз за ней наблюдал, когда заходил к Сотхи за очередным ужином в закусочную ориентальской кухни. Кюрен тихо сидела за столом тесной кухни, на шёлковой ленточке вензелями закручивала слова в нелепые предсказания. Потом пружинкой складывала их в сырую заготовку – и в печке та превращалась в очередную печенюшку-предсказательницу.

Печенье съел, ленточка полетела в мусорное ведро. Выкинул, не читая. Не верю в чушь.

От ужина Ив осталась одна коробка. Подошёл к ней ближе. Стоял как скала, возвышаясь над морем, и разглядывал макушку этой юной недотёпы. Протянул печенье – она, не поднимая глаз, взяла и спрятала в карман своих штанов.

– Пойдём. Покажу твоё новое жильё.

Снова тёмный коридор и тусклые лампочки.

В детстве и юности моя комната в дедовом доме была лучшим местом на земле. По мере взросления она меняла облик: от летунчиков в облаках – до обрывков путеводных карт тех мест, куда я хотел отправиться с какой-нибудь экспеди-

цией. На ночном столике возле кровати книги со сказками постепенно сменялись толстыми томами энциклопедий из дедовой библиотеки. Зачитывался ночами напролёт – ведь это лучшее время, чтобы мечтать.

Сейчас комната детства и юности оставалась единственной пригодной для жилья в этом, похожем на древнего старика, доме.

Мне не привыкать жить в стеснённых условиях. Военная лётная академия «ВЛА» научила потомственного аристократа выживать в любых жизненных ситуациях – так что пыльная и обветшалая комната деда казалась мелкими пустяками.

Девчонка взглядом любопытной кошки оглядела комнату, поймала на себе мой взгляд... Смутилась.

С мыслью, что пора заканчивать этот день, отправился в комнату деда.

«Всё, теперь спать».

Её вопрос догнал на выходе:

– А где будете вы... ты?

Интересно, как бы мне хотелось, чтобы она ко мне обращалась – на «ты» или «вы»? В общем, всё равно, но посмотрим, что выберет девочка-Стужа.

– В комнате напротив. Если что, стучи. И да... Грызёк летучая живёт на чердаке, бояться не стоит, – и ушёл в царство пыли и паутины.

В тусклых лампочках засуетились крохотные огоньки,

словно пойманные в банку светляки. Мебель, укрытая белым полотном, напоминала спящих исполинов из затерянных миров.

Давно сюда не заходил...

Резким движением сдёрнул с комнаты белый саван, освобождая от бесконечно долгого сна. Пыль, словно густой дым, взметнулась ввысь и начала медленно оседать серебристым пеплом – на пол и на меня.

Душ возмущённо кряхтел и, словно в отместку, окатил грязными брызгами.

– Да чтоб его!

Весь в пыли и ржавчине. День продолжал дарить неприятные сюрпризы. Дождался чистой воды – мыла не нашлось. Капли крупными бусинами упали на лицо, смывая остатки серо-коричневой слякоти. В бельевом шкафу отыскал домашние штаны и направился к кровати – как услышал стремительный скрип половиц...

«М-да, в секретную службу при таком топанье ногами эта девушка вряд ли попала бы».

Что же ей не спится, а?

Открыл дверь. Она от неожиданности полетела вниз. Поймал соседку за ворот халата в последний момент и резко поставил на ноги. Ещё немного – и девочка Ива вместо аккуратного носика получила бы кроваво-синий шнобель на всё лицо.

Её повело от потери равновесия – и она очередным нелов-

ким движением упёрлась мне... в грудь. Схватил её за талию, чтобы неугомонная девица снова куда-нибудь не упала. Ива оказалась более хрупкой, чем я думал. И... от неё пахло моим мылом. Забытое ощущение – чувствовать свой запах на ком-то.

Растерянная, Ив попятилась назад, забавно поправляя накрученный на голову тюрбан, который снова и снова скатывался на бок. Нехотя разомкнул руки.

Глупышка задавала одни и те же вопросы: «Что с ней случилось? Что за повреждения на её теле?»

«Просил же оставить все вопросы на завтра. Почему ты, Ивана Стужева, такая нетерпеливая?»

Молчу. Чувствую, как раздражительность поднимается выше и выше. Хватаю за руку и тащу в её комнату.

Забилась птахой, попавшей в силки охотника. Вырывалась и упиралась ногами в пол – неожиданно бросив ругательство:

– Недоумок!!!

Почему-то из её уст это прозвучало особенно оскорбительно.

Рывок. Полотенце полетело на пол, мокрые волосы лентами рассыпались по узким плечам. Прижал к себе и схватил за точёные скулы. Невольно большим пальцем провёл по нежному подбородку.

Не сдержался и, как змей-василиск, прошипел ей в лицо:
– Ты... глупая и дурная! Никогда! Слышишь?! Никогда не

бросайся грубыми словами в тех, кто сильнее и кого совсем не знаешь. Твоя ругань дворовой девки смешна и наивна, но может закончиться для тебя плачевно. Думай о последствиях.

Отпустил и шагнул назад. В душе противно от самого себя.

Она замерла. Ни одна мышца не шелохнулась на бледном лице – только слёзы хрустальными каплями заскользили по щекам. Её зелень глаз сквозь влагу заискрилась сиянием изумрудов. Моё дыхание остановилось... Она плачет... Плачет красиво... утончённо.

А у меня внутри – боль и досада от неправильности «все-го». Не должна была Ива оказаться здесь, не должна была падать с башни. Не должна была плакать сейчас.

Её дыхание участилось. Опустил взгляд ниже – в распахнутом вороте халата открылась линия изящных ключиц.

В этот момент она сорвалась и начала колотить меня своими маленькими кулачками, погружаясь в безудержную истерику. Мои призывы успокоиться прошли сквозь неё, не цепляясь за сознание.

«Небесный! Неужели нет другого способа остановить женскую истерику?»

Глубокий вздох от моей пощёчины – ужас в огромных глазах. Она не успела опомниться и приложить ладонь к обжигающей щеке, как бывает обычно после хлёсткого удара.

Сковал в своих объятиях, не давая осознать произошед-

шее и возможности двигаться, коротко приказал:

– Тихо! Дыши ровно.

Затихла.

Откуда появилось чувство вины? Словно обидел беззащитного ребёнка – возможно, так и было.

Погладил по голове, успокаивая. Мы стояли, как влюблённая парочка, спрятавшаяся от всего мира в пустом доме.

Боясь нового приступа истерики, ни сказав ни слова, тихонько выпустил из объятий, перехватив за ледяную ладонь. Она дрожала – и эта дрожь передалась мне.

Как же всё поменялось: резкая, где-то даже смелая несколько мгновений назад, сейчас она шла позади еле слышными шагами, с отстранённым взором, поглощённая собственными мыслями.

Довёл до кровати, перехватил за талию и аккуратно уложил в кровать. Ива закрыла глаза, подтянула одеяло, прячась от меня.

Сон не шёл. Стоял у окна, затягиваясь очередной сверхкрепкой сигаретой «Дух пустыни». Всмотривался в мрачные силуэты города, прокручивая события прошедшего дня. Мой уставший мозг отказывался мыслить ясно.

Вдалеке появилась тонкая полоска зарождающегося расвета.

«Всё... спать».

А на душе горько...

Глава 7. Доброе утро, Ив

Луч утреннего солнца настырно будил. Он нагло проникал сквозь узкую щель тяжёлых портьер и заставлял морщиться. Устав сопротивляться ярким бликам, я открыла глаза... и замерла от удивления.

С высокого потолка на меня смотрели величественные планеты в окружении созвездий и галактик. Работа неизвестного художника была потрясающей, хотя и затёрлась в некоторых местах от старости. Изображения объёмные, словно настоящие. Мне казалось, что я – маленькая звезда этого нарисованного космического мира.

Вставать не торопилась и некоторое время лежала в постели, внимательно изучая рисунок небесной карты. Утренняя дрёма постепенно рассеивалась, уступая место вчерашним воспоминаниям. Они рваными отрывками просачивались в новый день и пробуждали внутри тревогу, волнение, а главное – страх. Страх за своё будущее.

Перед глазами вновь возникла Башня Обозрения. Стремительное приближение ко мне человека, лицо которого скрыто в глубине капюшона. Болезненный удар в грудь. Падение. Бессознательная бездна – и больше никаких воспоминаний...

Резко села на кровати. Нервно пригладила растрёпанные

волосы. По телу пробежал неприятный жар. «Ещё не хватало разболеться в чужом доме», – подумала я.

На этой мысли возник образ Ловца. Моя истерика, пощёчина, его крепкие руки... Закрыла лицо ладонями – хотелось кричать от выжигающего чувства неловкости и стыда. Как вести себя дальше, ума не приложу?

Но мне нужны ответы, которые должна была получить ещё вчера.

Встала, накинула на себя не по размеру большой мужской халат и на дрожащих ногах пошла в сторону дверей. Подол чужой одежды тянулся за мной по полу, словно хвост заморской птицы, и не давал свободно двигаться. Прислушалась: за дверью царила тишина. Постояла несколько минут, решаясь. Провернула ключ дверного замка – к счастью, скрипа не послышалось. В приоткрывшуюся щель проёма виднелся тусклый свет коридора. Занесла ногу для первого шага и отступила обратно.

«Небесный, ну почему так страшно?»

Халат сползал с плеч, и мне постоянно приходилось его поправлять. В таком виде точно далеко не уйду. Ещё немного времени нужно, чтобы набраться смелости и сделать очередной шаг.

Ничего лучше не придумала, как следовать установленной привычке, вколотенной с самого детства пансионными дамами: «Проснулась. Заправила кровать. Умылась. Собралась». Вдогонку вспомнились слова Ловца: «...служанок и

горничных в доме не держим...»

Наскоро приняла душ, оделась в своё – свободные штаны, тёмно-зелёную тунику с завязками на горловине – и вышла из комнаты. Чувствовала себя на удивление наполненной, словно внутри зажёгся огонь. А может, просто поднялась температура – я не поняла.

В дверь напротив не постучалась – так и не хватило смелости и решимости.

«А... Может, лучше бежать? Во тьму все эти игры в „вопросы и ответы“. Забыть и не возвращаться, жить прежней спокойной жизнью, если, конечно, ей суждено быть?»

Крадучись, без единого шороха, спустилась по лестнице, ведущей к главному входу. Нажала на рычаг замка входной двери – но она не отозвалась на моё движение. Повторила попытку: дверь не сдвинулась ни на черточку. Ещё раз – без изменений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.